

ГЛАВА II.

О допросахъ.

1. Общія замѣчанія.

Допросъ имѣетъ цѣлью возстановить передъ судьей все событіе преступленія такъ, какъ будто онъ видитъ его передъ своими глазами. Свидѣтели-очевидцы должны показывать то, что видѣли и слышали такъ, чтобы судья могъ судить о томъ настолько хорошо, какъ будто онъ самъ все видѣлъ и слышалъ. Свидѣтели, не бывшіе очевидцами преступленія, должны показывать такъ, чтобы между ихъ показаніями и преступленіемъ была внутренняя связь, дающая судѣ возможность поставить передъ своимъ умственнымъ^{*)} взоромъ событіе преступленія въ томъ видѣ, какъ оно совершилось. Допросъ сознаваго обвиняемаго долженъ вызвать у судьи впечатлѣніе такое же, какъ и при показаніи очевидца; допросъ упорно отрицающаго вину свою долженъ дополнить обнаруженныя слѣдствіемъ данныя. И, наконецъ, допросъ свѣдущихъ лицъ долженъ имѣть цѣлью дать судѣ возможность взглянуть на дѣло не только съ своей точки зрѣнія, но и глазами спеціалиста. Вообще результатъ всѣхъ допросовъ долженъ заключаться въ томъ, чтобы судья получилъ представленіе о дѣлѣ такое, какъ будто онъ самъ воспринялъ его своими собственными чувствами, чувствами свѣдущаго лица. Если удалось достигнуть этого результата, то этимъ самымъ достигнута и главная цѣль предварительнаго слѣдствія. Въ противномъ случаѣ результатъ не былъ достигнутъ или по невозможности обнаружить улики за и противъ заподозрѣннаго, или же таковыя улики *были*, но С. С. не умѣлъ найти ихъ: въ этомъ послѣднемъ случаѣ предварительное слѣдствіе или *неполно*, и пробѣлы могутъ

быть исправлены, или же оно безнадежно *испорчено*. Последнее есть результат неумѣлаго веденія дѣла, первое же—результат легкомысленнаго отношенія къ нему. С. только тогда можетъ быть названъ хорошимъ, если онъ сумѣетъ какъ можно болѣе ограничить число тѣхъ слѣдствій, которыя прекращаются «по недостаточности доказательствъ». Отнесеніе же С. къ той или другой категоріи будетъ зависѣть отъ того, *кого* и *какъ* онъ допрашиваетъ, ибо допрашиваемыя лица, это—скелеть, а ихъ показанія—кровь и плоть предварительнаго слѣдствія. Если существенные свидѣтели совѣмъ не допрошены, то скелеть не полонъ и части его не связаны, если же вызванныя лица допрошены *поверхностно*, то кровь и плоть есть, но беспильна и не жизнедѣтельна.

Кто именно подлежатъ допросу въ качествѣ свидѣтелей или свѣдущихъ лицъ, весьма часто опредѣляется очень просто. Обыкновенно въ первоначальномъ сообщеніи указано нѣсколько лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, и ихъ-то слѣдуетъ прежде всего вызывать и допросить; они же и обвиняемый съ другой стороны укажутъ на другихъ, эти послѣдніе при допросѣ, можетъ быть, еще укажутъ кого нибудь и т. д. И это продолжается до тѣхъ поръ, когда вновь допрошенные *не* укажутъ новыхъ лицъ. Тогда остается спросить заключенія свѣдущихъ лицъ, приобщить къ дѣлу необходимыя справки, и предварительное слѣдствіе закончено. Кажется все очень просто и естественно: одно **вытекало изъ** другого, и если всё указанна въ дѣлѣ лица допрошены, то оно должно быть какъ будто и полнымъ: какой же можетъ быть пробѣлъ?

Въ извѣстномъ отношеніи это, можетъ быть, и будетъ такъ. И, конечно, невозможно обвинять С. С., поступавшаго такимъ образомъ, въ какой бы то ни было небрежности или униженіи.—но ему можно поставить въ вину то, что онъ лишь сыгралъ заученную пьесу на своей шарманкѣ, что онъ рабски слѣдовалъ за обстоятельствами, какъ дерево по волнамъ рѣки, но что не произвело слѣдствія въ строгомъ смыслѣ.

У кого при такомъ упрекѣ не заговорить совѣсть, тотъ, конечно, и пойдетъ своимъ прежнимъ путемъ, но кто припомнитъ, что онъ принесъ присягу исполнять долгъ свой, прилагая къ дѣлу все усердіе, тотъ долженъ отнестись къ службѣ своей иначе и видѣть въ ней цѣльную и стройную систему. Онъ долженъ усвоить себѣ ту идею, что въ естественномъ ходѣ событій не бываетъ скачковъ: нѣтъ ничего оторваннаго, что не вытекало бы изъ существовавшаго и не объяснялось бы имъ, какъ самъ человѣкъ

представляет собою нечто сущее, являющееся результатом естественнаго развитія и взаимодействія тѣсно связанных частей, въ которомъ нѣтъ мѣста случаю, такъ точно и все исходящее отъ человѣка: его рѣчь, дѣятельность, его желанія и стремленія, все, что онъ дѣлаетъ, и все, что онъ сдѣлалъ,—все это составляет живое органическое, естественно и закономерно развивавшееся цѣлое, и ни одна изъ частей этого цѣлага не можетъ не быть: все, что есть, и должно быть. Такимъ образомъ всякое дѣяніе человѣка не является чѣмъ либо случайнымъ и необъяснимымъ, напротивъ, оно есть естественно необходимый, органически вытекающій результатъ природы человѣка и его культуры, настолько же тѣсно и неразрывно съ ними связанный, какъ листъ связанъ съ тѣмъ деревомъ, на которомъ онъ выросъ.

Если С. С., усвоить себѣ изложенную точку зрѣнія, то при изслѣдованіи каждаго преступленія онъ всегда будетъ имѣть въ виду, что лица, прикосновенныя къ этому дѣлу, въ качествѣ ли виновныхъ, или потерпѣвшихъ, или свидѣтелей, должны находиться съ этимъ преступленіемъ въ естественно необходимой связи. Точно такъ, какъ естествоиспытатель о каждомъ организмѣ, хотя бы ни разу имъ дотолѣ невиданномъ и хотя бы относящемся къ давно минувшимъ эпохамъ исторіи міра, можетъ составить заключеніе, вмѣстѣ съ какими организмами онъ появился, съ какими существовалъ и затѣмъ съ какими исчезъ, такъ и С. С. по каждому дѣлу долженъ составить сужденіе, кто въ немъ является дѣйствующимъ лицомъ, на комъ отразились послѣдствія преступленія, и кто стоялъ вокругъ этого дѣянія. Не случайными указаніями и не благосклоннымъ желаніемъ первыхъ допрашиваемыхъ лицъ С. С. долженъ руководствоваться, а только систематическимъ «конструированіемъ» событія, проникательнымъ и правильнымъ уразумѣніемъ естественнаго хода событія преступленія. Допросить очевидцевъ преступленія, это ясно само по себѣ, это есть первое дѣйствіе, направленное къ установленію событія. Но какимъ образомъ создалось преступленіе, почему оно случилось, что было главнымъ мотивомъ и конечною цѣлью, какія представлялись препятствія и какъ преступникъ ихъ преодолѣвалъ, что было прежде и въ какой связи это прошлое стоитъ съ преступленіемъ,—все это должно быть «конструировано» и изслѣдовано, чтобы не было мѣста случайной доброй волѣ частныхъ лицъ.

Но какъ же быть, когда не было очевидцевъ преступленія? Въ этомъ случаѣ нѣтъ уже возможности рассчитывать на случайныя и добротныя откровенія допрашиваемыхъ; а если кто вздумаетъ

допросить первого попавшагося кое-что знающаго по слуху, и затѣмъ допросить указанныхъ имъ лицъ, то онъ можетъ пойти по ложному пути, который далеко уведетъ его отъ истины. Именно въ этомъ случаѣ С. долженъ правильно «конструировать», т. е. потрудиться надъ воссозданіемъ всей картины событія, стройной и въ частяхъ своихъ тѣсно связанной, совершенно подобно живому организму, и какъ по плодамъ заключаютъ о деревѣ и даже о странѣ, въ которой она растетъ, такъ точно слѣдуетъ по преступленію заключать о мотивахъ и о совершившихъ его лицахъ; всѣ же остальные подробности, обстановка картины появятся сами собой.

Какимъ образомъ пріобрѣсти эту проницательность, какъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, для этого никто не въ состояніи указать опредѣленныхъ правилъ.—Я скажу одно, что даже въ самомъ загадочномъ дѣлѣ спокойное, осторожное, взвѣшивающее «конструированіе случая» всегда и безъ исключенія укажетъ по крайней мѣрѣ тотъ слой общества или *кружокъ*, гдѣ слѣдуетъ *искать* лицъ, отъ которыхъ можно добыть свѣдѣнія по дѣлу; обнаружить же такія лица,—уже дѣло полиціи. Розысканные такимъ путемъ лица и указанные ими другіе должны быть допрошены, но съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ слѣдуетъ вновь «конструировать», создавать новыя комбинаціи и добытое ранѣе надо устанавливать прочно, для того чтобы затѣмъ искать новаго кружка, гдѣ бы можно было найти освѣдомленныхъ о дѣлѣ лицъ. Никогда не слѣдуетъ идти только въ одномъ направленіи, на которое наведи умышленно или случайно показанія нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей. Не говоря уже о томъ, что этотъ способъ—самый правильный, онъ въ то же время и самый интересный, поддерживающій неостывающую любовь къ дѣлу.

Какъ именно допрашивать, объ этомъ подробно изложено въ законахъ, и само собой разумѣется, что они должны быть свято соблюдаемы.

Но этого недостаточно: законодатель въ состояніи лишь урегулировать приемы допроса съ формальной стороны, подыскать же внутреннее содержаніе—это есть дѣло и искусство самаго С. Для того, чтобы вести допросъ хорошо, нужно много знанія и умѣнія; ревностное отношеніе къ дѣлу и добрая воля суть главныя требованія, знаніе людей, почерпнутое изъ жизни, и ясное, до всѣхъ подробностей проникающее пониманіе дѣла часто суть единственныя средства, спасающія въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ.

Такъ, т. е. инстинктивное умѣние находить правильные прі-

емы, долженъ быть прирожденъ. Кто имъ не обладаетъ, тотъ не можетъ быть С., хотя бы онъ имѣлъ все остальные нужныя качества. При самомъ честномъ желаніи онъ всюду рискуетъ сдѣлать промахъ, не сумѣетъ ничего найти: допрашиваемаго, желающаго рассказать о важныхъ обстоятельствахъ, сконфузитъ, болтуна заставитъ продолжать болтовню, нахала не остановитъ, робкаго запугаетъ, самый важный моментъ упуститъ. То же, что само идетъ въ руки обладающему тактомъ, умѣніе различать лицъ по ихъ индивидуальности и положенію въ обществѣ,—просто недоступно для С., лишеннаго такта. С., который не въ состояніи обращаться съ людьми соотвѣтственно этимъ различіямъ, вообще не можетъ вести допросъ, потому что каждый человѣкъ отличенъ отъ другихъ, каждый выказываетъ себя иначе, воспринимаетъ и чувствуетъ по своему, каждый о своихъ внѣшнихъ воспріятіяхъ сообщаетъ по своему. И тѣмъ не менѣе, все люди по существу одинаковы, отдѣльныя, единичныя различія въ общемъ широкомъ кругозорѣ сливаются въ общее и однообразное. Сущность—всегда одна и та же, только формы различны. Если мы сумѣемъ отличить форму отъ сущности, то для насъ станетъ яснымъ то, что можетъ измѣняться, ибо неизмѣнное и одинаковое только тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ сущностью. Кто въ состояніи различать форму отъ сущности, тотъ—счастливѣйшій среди насъ.

Что касается самаго способа допрашиванія, то мы обратимъ вниманіе лишь на нѣсколько обстоятельствъ, которыя могутъ повлечь за собой затрудненія и ошибки. Въ прежнихъ изданіяхъ этой книги я говорилъ о начатомъ мною трудѣ объ уголовной психологіи. Трудъ этотъ уже давно изданъ и, на мой взглядъ, имѣетъ своею цѣлью данныя, установленныя общей психологіей и освѣщенныя подъ угломъ зрѣнія криминалиста, изложить въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ послѣдній нуждается для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе я помѣщу также и въ настоящемъ руководствѣ все тѣ криминально-психологическія свѣдѣнія, которыя были сообщены мною въ прежнихъ изданіяхъ этой книги. Кто пожелаетъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, тотъ можетъ обратиться къ самому руководству по криминальной психологіи.

2. Допросъ свидѣтелей.

Проводить различіе между допросомъ свидѣтелей и допросомъ обвиняемыхъ возможно лишь до извѣстной степени. Въ обоихъ случаяхъ цѣль допроса заключается въ обнаруженіи истины, но пути, которыми идутъ къ этой цѣли, различны. При допросѣ свидѣтеля истина обнаруживается *непосредственно* изъ его *показанія*, при допросѣ же обвиняемыхъ она достигается только *посредственно*, смотря по способу, избранному обвиняемымъ для своего оправданія, въ связи съ другими данными слѣдствія. Именно въ этомъ заключается главное различіе между допросами обвиняемаго и свидѣтеля, а отнюдь не во внѣшнихъ способахъ обращенія съ тѣми или другими. Тѣмъ не менѣе разница въ оцѣнкѣ показаній этихъ двухъ категорій лицъ настолько значительна, что на каждой изъ нихъ слѣдуетъ остановиться особо.

Главная задача С. С. при допросѣ свидѣтелей—двойкая: онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы все при допросѣ было выяснено и ни одно существенное обстоятельство не было бы упущено изъ виду; затѣмъ онъ долженъ обращать вниманіе на то, чтобы все, что ни показывалъ свидѣтель, было сущей правдой. Какъ избѣгать пробѣловъ и упущеній, объ этомъ было **говорено выше**; что же касается достижения безусловно **правдивыхъ показаній**, то С. С. долженъ бороться при этомъ съ препятствіями двойкаго рода. Или свидѣтель имѣетъ намѣреніе сказать правду, но не говоритъ ея, потому что неправильно понялъ то, о чемъ знаетъ, или по какому нибудь другому недоразумѣнію,—или же свидѣтель имѣетъ прямое намѣреніе дать завѣдомо ложное показаніе. Въ обоихъ случаяхъ для предотвращенія возникающихъ затрудненій требуются различныя приемы. По моему мнѣнію наиболѣе серьезны затрудненія перваго рода и бороться съ ними значительно труднѣе.

а) Когда свидѣтель желаетъ сказать правду.

Касаясь этого вопроса прежде всего съ общей точки зрѣнія, слѣдуетъ отмѣтить, что въ обыденной жизни самое заурядное происшествіе обыкновенно воспринимается людьми неодинаково, равно какъ неодинаково удерживается въ памяти и неодинаково передается однимъ другому. Въ этомъ легко убѣдиться, если о собы-

тіи, совершившемся въ присутствіи многихъ лицъ, заставить каждаго рассказать въ отдѣльности. При этомъ все равно, важное или неважное было это событіе, вѣдь въ самыхъ крупныхъ уголовныхъ дѣлахъ свидѣтели весьма часто въ то время, когда видѣли или слышали что нибудь, не предвидѣли и не могли предвидѣть, что наблюденные ими факты получаютъ со временемъ важное значеніе. Если же заставить каждаго отдѣльно рассказать о такомъ событіи, при которомъ случилось быть и самому слушающему, то при каждомъ рассказѣ приходится удивляться, какъ различно описывается все случившееся, и при томъ безъ малѣйшихъ колебаній или сомнѣній со стороны рассказчиковъ.

Кто хочетъ производить эти опыты для пользы дѣла, тотъ долженъ всегда имѣть эту цѣль въ умѣ при личномъ наблюденіи какаго либо происшествія, и затѣмъ во время рассказовъ съ особенною внимательностью слѣдить за этими варіаціями, чтобы знать, кто изъ очевидцевъ лучше, и кто хуже наблюдаетъ. При этомъ недостаточно ограничиться однимъ выслушаніемъ рассказовъ о внѣшнихъ фактахъ, слѣдуетъ также подмѣчать ту степень убѣжденности, съ какою ведется рассказъ, и постараться выяснить, *по какой причинѣ* рассказчикъ не такъ передалъ дѣло. Такими причинами могутъ быть: неправильное воспріятіе, темпераментъ, возрастъ, положеніе въ обществѣ, особое отношеніе къ дѣлу и многія другія. Если въ цѣломъ рядѣ такихъ наблюденій удалось себѣ выяснить, въ какомъ отношеніи люди, принадлежащіе къ извѣстной категоріи, (напр. сангвиники, подростки, люди извѣстнаго ремесла и т. д.) неправильно наблюдаютъ и передаютъ, то въ любомъ данномъ дѣлѣ будетъ основаніе для предположенія, что лица извѣстной категоріи могутъ показать неправильно. Само собой разумѣется, что нужно остерегаться излишнихъ обобщеній.

Прежде всего мы будемъ говорить объ общихъ свойствахъ каждаго свидѣтельскаго показанія: о способности воспріятія и о памяти, а затѣмъ о тѣхъ особенныхъ случаяхъ, въ результатѣ которыхъ получаютъ неправильныя показанія.

1. Общія свойства.

а) *Чувственныя воспріятія* ²⁾.

Если мы желаемъ возстановить событіе преступленія по свидѣтельскимъ показаніямъ, то мы обыкновенно добиваемся того,

чтобы свидѣтель передавалъ намъ *исключительно* свои чувственныя воспріятія, а выводы предоставлялъ дѣлать намъ. Но при этомъ мы дѣлаемъ ту большую ошибку, что принимаемъ его личныя впечатлѣнія, какъ нѣчто безспорное, т. е. разсматриваемъ его показаніе, какъ совершенно соответствующее дѣйствительности,—при условіи, конечно, если мы не имѣемъ данныхъ сомнѣваться въ искренности его словъ. Если же допустить, что въ передаваемыхъ свидѣтелемъ его чувственныхъ воспріятіяхъ не заключается ровно никакихъ умозаключеній, то тѣмъ самымъ мы лишаемъ себя права на примѣненіе *ratio concludendi*, что безъ сомнѣнія для юриста болѣе важно, чѣмъ *ratio sciendi*. Что однако въ передачѣ о какомъ-нибудь чувственномъ воспріятіи уже преподносится выводъ и не одинъ, а цѣлый рядъ ихъ,—это доказывается всевозможными примѣрами. Если кто напр. скажетъ: «вотъ тамъ стоитъ стаканъ», то на первый взглядъ это покажется передачей весьма несложнаго чувственного воспріятія. Но если всмотрѣться ближе, то въ сущности самымъ правильнымъ было бы сказать такъ: «такъ какъ я до сихъ поръ не замѣтилъ, что страдаю галлюцинаціями, и такъ какъ я не имѣлъ основанія предполагать, чтобы кто нибудь посредствомъ зеркалъ или посредствомъ другихъ оптическихъ фокусовъ представилъ мнѣ обманное изображеніе стакана, такъ какъ я не имѣю основанія предполагать, что на столѣ былъ такой искусный рисунокъ стакана, который показался мнѣ за дѣйствительный, и такъ какъ наконецъ нельзя было предположить, что люди, проживавшіе въ этомъ домѣ, имѣли стаканы изъ горнаго кристалла, то я имѣю полное основаніе заключать, что тотъ предметъ, который я усмотрѣлъ на столѣ, былъ обыкновенный стаканъ». Я, конечно, не говорю, чтобы при составленіи каждаго слѣдственнаго протокола слѣдовало бы прибѣгать къ такому способу изложенія. Всякому извѣстно, что обыкновенно подразумѣвается подъ словами: «я тамъ видѣлъ стаканъ», тѣмъ не менѣе всякій долженъ помнить, что въ подобныхъ фразахъ заключаются уже готовые выводы, весьма нерѣдко требующіе точной провѣрки. Если напр. С. С., склонный къ излишнимъ подробностямъ или точности, пишетъ: «я въ далекомъ разстояніи видѣлъ челоуѣка, на немъ была кофта, и поэтому онъ мнѣ казался женщиной», то заключающійся въ этихъ словахъ намекъ на возможность замаскированія совершенно неоснователенъ; даже если было бы сказано: «я видѣлъ женщину», все таки этимъ не исключалось бы предположенія, что эта личность была мужчиной, такъ какъ свидѣтель только по внѣшности лица сдѣлалъ *вы-*

вообще о принадлежности его къ известному полу. Отсюда слѣдуетъ, что вовсе не необходимо записывать въ протоколахъ рядъ выводовъ, мы только должны постоянно имѣть въ виду, что такіе *выводы или умозаключенія* дѣлаются сплошь и рядомъ, и что при этомъ легко могутъ произойти весьма существенныя ошибки. Оставляя въ сторонѣ всѣ явленія болѣзненные, мы ограничимся разсмотрѣніемъ того, что можетъ случиться съ каждымъ при нормальномъ состояніи ума и чувствъ.—Если мы обратимъ вниманіе, какъ мы вообще воспринимаемъ своими чувствами и какимъ путемъ составляемъ себѣ представленіе объ известномъ предметѣ, то мы убѣдимся, что въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ мы замѣчаемъ всѣ безъ исключенія примѣты какого бы то ни было предмета, тѣ примѣты, которыя характеризуютъ предметъ, какъ таковой. Лучшимъ примѣромъ могутъ послужить въ этомъ отношеніи такъ называемыя «*Anordnungsbilder*», которыя, благодаря типичной своей формѣ, дѣлаютъ излишнимъ точное разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей. Когда мы читаемъ, то вовсе не разбираемъ каждое слово по буквамъ, а воспринимаемъ сразу полную картину слова, *все слово*; мы разлагаемъ по буквамъ слово только тогда, если встрѣчаемъ слово иностранное и при томъ съ совершенно чуждымъ сочетаніемъ слоговъ. Поэтому бываетъ, что мы весьма часто не замѣчаемъ незначительныхъ опечатокъ, въ особенности въ длинныхъ словахъ, если только вслѣдствіе этой опечатки не нарушается существенно общая картина. Такимъ же образомъ и опытный пианистъ, въ особенности въ аккордахъ, воспринимаетъ общую картину нотъ, не отмѣчая каждую ноту порознь въ аккордѣ. Яснѣе же всего это обнаруживается въ карточной игрѣ, или въ игрѣ въ домино: здѣсь игрокъ никогда не отсчитываетъ знаковъ на картахъ или косточкахъ, но по общей картинкѣ дѣлаетъ сразу выводъ о томъ, что имѣетъ передъ глазами. Если бы эти картины не были типичны, и знаки были нарисованы разнообразно и произвольно, то игрокъ былъ бы вынужденъ каждый разъ считать число знаковъ, въ особенности на болѣе крупныхъ картахъ.

Эта способность ума схватывать полныя картины типическихъ явленій или предметовъ имѣетъ мѣсто въ нашихъ воспріятіяхъ вообще гораздо чаще, чѣмъ мы думаемъ, главнымъ образомъ потому, что мы всегда ищемъ и удерживаемъ въ памяти только известныя характерныя черты предмета, по которымъ и составляемъ понятіе о предметѣ, не пускаясь въ дальнѣйшій разборъ деталей. Когда я вижу въ комнатѣ циферблатъ, то тѣмъ самымъ убѣжденъ, что на томъ мѣстѣ часы, хотя самыхъ часовъ я и не примѣтилъ: по виѣш-

нему виду циферблата и общей обстановкѣ комнаты я получилъ мгновенное представленіе о часахъ, нѣкоторое время спустя это представленіе получаетъ болѣе опредѣленное очертаніе, и, наконецъ, въ послѣдствіи даже складывается точное представленіе о томъ, что я видѣлъ часы. Если я, положимъ, въ первый разъ прохожу чрезъ комнату и мелькомъ замѣтилъ въ одномъ углу что-то высокое, бѣлое, призматическое, то я скажу себѣ: «тамъ я видѣлъ печь», именно потому, что я подмѣтилъ нѣсколько самыхъ характерныхъ примѣтъ печи, а въ остальныхъ трехъ углахъ комнаты такой не замѣтилъ. Если я въ полѣ увижу пролетѣвшую птицу довольно большаго размѣра съ очень длиннымъ хвостомъ, то не усомнюсь сказать, что видѣлъ фазана; если въ звѣрницѣ я хотя бы совершенно неясно увидалъ большое животное съ длиннымъ хоботомъ, то заключу, что это — слонъ. Но не всегда такъ легко дѣлаются заключенія лишь по характернѣйшимъ примѣтамъ вещи: это въ значительной степени зависитъ отъ природныхъ способностей и степени образованія наблюдателя. Такъ напр., специалистъ въ своей области отлично знаетъ всѣ характерные признаки предметовъ и опредѣляетъ ихъ, хотя бы замѣтилъ одинъ такой признакъ; врачъ, напр., знаетъ, что въ его приемной ожидаютъ туберкулезные и табетички, если слышалъ кашель первыхъ и шаги вторыхъ. Но такъ бываетъ не всегда и не вездѣ: напр., относительно предметовъ обыденной жизни мы страннымъ образомъ иногда не усваиваемымъ ихъ типическихъ чертъ. Самымъ поучительнымъ въ этомъ отношеніи для насъ является искусство живописца театралныхъ декораций, который немногими, но именно характернѣйшими штрихами сумѣетъ набросать красивѣйшую картину, конечно, при помощи освѣщенія, отдаленія и иллюзии. Онъ достигаетъ этого тѣмъ, что, изображая бесѣдку изъ розовыхъ кустовъ, онъ рисуетъ только характернѣйшія ея черты: хотя бы штриховъ этихъ и было ограниченное число, тѣмъ не менѣе мы, благодаря освѣщенію, отдаленію и нашему воображенію, видимъ передъ собою красивую розовую бесѣдку. Для насъ, криминалистовъ, было бы въ высшей степени полезно, если бы декораторъ могъ указать намъ опредѣленные правила, которыми онъ руководствуется, если бы онъ сумѣлъ выяснитъ намъ, почему и гдѣ онъ кладетъ самыя глубокія тѣни, самыя яркія краски и оставляетъ рѣзко освѣщенными извѣстныя мѣста. Но такихъ правилъ у него до сихъ поръ нѣтъ, онъ работаетъ эмпирически и именно поэтому не въ состояніи исправить картины, оказавшіяся плохими: онъ можетъ только нарисовать ихъ вновь. На этомъ же примѣрѣ мы мо-

жемъ убѣдиться и въ томъ, что не для всякаго нужны одни и тѣ же характеристическіе признаки предмета для того, чтобы признать его за таковой. Если бы мы поставили на сценѣ только одну декорацию, положимъ, бесѣдку изъ розовыхъ кустовъ, то только часть публики признала бы ее за таковую, а часть, быть можетъ, и не узнала бы, что изображаетъ эта картина. Если же будутъ поставлены на сценѣ всѣ необходимыя декорации, то вся уже публика найдетъ ту же бесѣдку очень красивою. Это основывается на томъ, что человѣческія чувства можно при извѣстныхъ условіяхъ «направлять». Въ данномъ случаѣ художникъ-декораторъ сумѣлъ уловить, напр., понятные для одной части публики характерные признаки средневѣковаго замка, для другой — бесѣдки, для третьей — лѣса, а для четвертой — общаго фона картины. И разъ для кого нибудь хотя бы часть картины представляется правдивой, то тѣмъ самымъ его чувства «направлены»: подкупленный въ пользу правдивости картины, его взоръ съ довѣріемъ переходитъ отъ одной части картины къ другой. Этотъ умственный процессъ воочію обнаруживается на тѣхъ оптическихъ представленіяхъ, которыя часто показываются публикѣ ¹⁾. Главный фокусъ иллюзіи въ этихъ панорамахъ состоитъ въ томъ, что на первомъ планѣ помѣщаются реальные предметы (камни, пни, колеса и т. п.), которые незамѣтно сливаются съ общей написанной картиной. Вниманіе зрителей останавливается прежде всего на этихъ предметахъ, убѣждается въ ихъ реальности, и затѣмъ это убѣжденіе переносится на нарисованное такъ, что вся картина представляется живою, пластически дѣйствительной.

Знаніе о такихъ процессахъ въ области чувственныхъ воспріятій имѣетъ весьма важное значеніе для криминалиста, такъ какъ совершенно подобное, хотя не столь ярко выраженное, происходитъ и съ тѣми чувственными воспріятіями, съ которыми и намъ приходится имѣть дѣло. То же обстоятельство, что процессы эти не столь ярко выражены, является прямо опаснымъ, такъ какъ въ силу этого они легко совсѣмъ ускользаютъ отъ нашего вниманія.

¹⁾ Впервые давалъ такія представленія Ирландскій художникъ Робертъ Паркеръ въ 1787 г. За нимъ послѣдовали французы Фонтанъ, Буржуа и Прево. Затѣмъ стали показывать извѣстныя картины: штурмъ Малахова кургана, сраженіе подъ Сольферино, битва у Грелелота, путешествіе австр. кронпринца въ Египетъ и т. д. Въ самой большой изъ такихъ панорамъ «битва при Седанѣ», А. ф. Вернера, самые существенные предметы: стѣна, ранды и оружіе солдатъ и пр. были устроены настоящіе, а часть ихъ была нарисована.

Мы не должны забывать, что свидѣтель во многихъ случаяхъ, во время ли самаго происшествія, либо во время разсказа о немъ находится въ состояніи нѣкотораго возбужденія, вслѣдствіе чего особенно легко поддается страсти дѣлать различные выводы и предположенія, и разъ онъ вступилъ на эту почву, кто знаетъ, гдѣ онъ остановится. Такъ бываетъ и относительно самыхъ заурядныхъ воспріятій, особенно же это замѣтно при извѣстнаго рода воспріятіяхъ преимущественно зрительнаго свойства. Остановимся прежде всего на вышеупомянутомъ вопросѣ о *пластичности* именно зрительныхъ впечатлѣній. Мы оставимъ въ сторонѣ теорію Георга Гиртса, который объясняетъ процессъ зрѣнія по отношенію къ пластическимъ предметамъ какъ особую способность ретины при помощи зрительныхъ лучей разной длины воспринимать предметы, и остановимся на прежнихъ, несомнѣнно болѣе правильныхъ теоріяхъ, по которымъ наша способность зрѣнія видѣть пластическіе предметы есть ни что иное, какъ дѣло нашего опыта. А если это такъ, то и неизбѣжны вопросы о правильности или неправильности умозаключеній очевидна.

Видѣть какой либо реальный предметъ—это значить въ сущности ни что иное, какъ получить убѣжденіе, что подлежащія явленія суть пластическія, потому что мы это знаемъ изъ предшествующаго опыта при посредствѣ чувства осязанія. При этомъ случается и такъ, что подобныя заключенія о пластичности видимаго мы дѣлаемъ не только о предметахъ, которые тысячу разъ видѣли, но и о тѣхъ, которые видимъ впервые. Я еще пока ни разу не видалъ живого кита, но если бы мнѣ случилось видѣть въ морѣ это животное, то я ни на минуту не усомнился бы, что вижу настоящаго кита. Но такой выводъ основанъ лишь на теоріи вѣроятности, и хотя было бы абсурдомъ предположить, что этотъ китъ сдѣланъ, положимъ, хоть изъ бумаги, но въ безчисленныхъ другихъ случаяхъ дѣло не бываетъ до такой степени очевидно, и сомнѣніе можетъ быть вполне законно. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться на цѣломъ рядѣ оптическихъ фокусовъ, ясиѣ же всего съ т. наз. геммой. Положимъ, мы имѣемъ два камня, на одномъ изъ которыхъ имѣется углубленное изображеніе человѣческой головы, а на другомъ—то же самое изображеніе въ рельефномъ выпукломъ видѣ. Если зритель стоитъ передъ ними въ разстояніи полтора метра, то онъ въ состояніи различить эти изображенія лишь благодаря падающему на нихъ освѣщенію, такъ какъ на рельефѣ (*Camée*) части, обращенныя къ свѣту, освѣщены, а на другомъ изображеніи тѣ

же части, оказывающіяся въ видѣ углубленій, остаются въ тѣни. Значить, если я вижу то же изображеніе, но при освѣщеніи съ противоположной стороны, то оно мнѣ представляется въ видѣ *Сатѳе*, если только мысленно я захочу видѣть это изображеніе, какъ *Сатѳе*. Такимъ образомъ стоитъ мнѣ сознательно или безсознательно представить себѣ источникъ свѣта съ правой стороны, вырѣзанное изображеніе головы для меня уже представляется *Сатѳе*, именно потому, что я думалъ, что видимое изображеніе есть таковое. Такой процессъ наблюдать можно довольно часто; цѣлый рядъ представленій строится всегда на одномъ ранѣ установленномъ положеніи, и если это положеніе — правильно, то и вытекающія изъ него представленія правильны, именно такъ, какъ это видно изъ нашего примѣра: если мы предположимъ источникъ свѣта съ лѣвой стороны, то видимъ вырѣзанное изображеніе головы тамъ, гдѣ оно дѣйствительно и есть, но разъ мы ошибочно предположили источникъ свѣта съ другой стороны, то на томъ же мѣстѣ мы ошибочно видимъ *Сатѳе*. Трудно даже предусмотрѣть, какія ошибки могутъ возникать на почвѣ разъ сдѣланнаго неправильнаго предположенія, тѣмъ болѣе, что это основное предположеніе дѣлается по большей части безсознательно, или же, если и сознательно, то затѣмъ забывается. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ это исходное предположеніе возстановить путемъ тщательной проверки выведенныхъ изъ него данныхъ и затѣмъ доискиваться основной причины обнаруженной неправильности. Не слѣдуетъ вообще относиться слишкомъ легко къ обнаруженнымъ неправильностямъ, хотя бы онѣ касались и нѣкоторыхъ, несущественныхъ данныхъ. Дѣло въ томъ, что, отыскавъ источникъ замѣченныхъ ошибокъ, мы получаемъ возможность обнаружить, какое вліяніе оказало невѣрное исходное положеніе на другія, быть можетъ, весьма существенныя положенія. Это тѣмъ болѣе важно, что мы, благодаря такимъ ошибочнымъ воспріятіямъ, сдѣланнымъ нами, можемъ даже придти къ заключеніямъ, противорѣчащимъ дѣйствительности, нашему опыту. Возьмемъ такой примѣръ, касающійся нашихъ зрительныхъ ощущеній. Если мы тотчасъ же по закатѣ солнца посмотримъ на невысокій холмъ, расположенный къ западу, то всѣ предметы, находящіеся на гребнѣ холма (деревья, скалы, люди), покажутся намъ безтѣлесными силуэтами. Горизонтъ за ними ярко освѣщенъ лучами зашедшаго солнца, и вслѣдствіе контраста на сторонѣ, обращенной къ намъ, мы не въ состояніи различить свѣтовыхъ оттѣнковъ, и хотя бы намъ было хорошо извѣстно, что это—реальные предметы,

но мы съ трудомъ можемъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что видимъ лишь слухоты. Если же мы не имѣемъ особенныхъ поводовъ къ провѣркѣ нашихъ впечатлѣній, то мы объ этомъ и не заботимся, и вотъ ложный выводъ готовъ и даже распространяется, какъ «лично видѣнное» ¹⁾.

При всемъ томъ мы еще не принимали во вниманіе такъ наз. обмановъ чувствъ. Если мы будемъ держаться по прежнему нашей точки зрѣнія, что всѣ чувственные представленія основаны на умозаключеніяхъ, то придемъ къ тому убѣжденію, что объ обманахъ чувствъ въ истинномъ смыслѣ слова можно говорить только тогда, когда въ нашихъ органахъ чувствъ произошли какія-нибудь физическія измѣненія. Обманъ чувствъ получится напр. въ томъ случаѣ, если нажать въ сторону глазное яблоко и вслѣдствіе этого предметы будутъ представляться вдвойнѣ, или если мы, довольно широко раздвинувъ ножки циркуля, поставимъ ихъ на спину, на бедро ноги, вообще на такую часть тѣла, которая не имѣетъ частой сѣти нервовъ, то получится ощущеніе только одного укола. Все же остальное, что называютъ обманами чувствъ, въ сущности есть лишь неправильныя умозаключенія. Если я черезъ красное стекло увижу всѣ предметы въ красномъ цвѣтѣ, то глазъ мой вовсе не былъ обманутъ, а если я повѣрилъ, что дѣйствительно предметы такого цвѣта, то сдѣлалъ лишь неправильное заключеніе. Если предъ дождемъ горы мнѣ казались ближе, чѣмъ во время дождя, то и въ этомъ случаѣ чувство зрѣнія не было обмануто: при исчисленіи разстоянія я только забылъ принять въ расчетъ преломленіе свѣтовыхъ лучей вслѣдствіе наполнившихся пространство дождевыхъ капель. Если какую-нибудь прямую палку опустить въ воду, то часть ея, опущенная въ воду, покажется какъ бы приподнятой вслѣдствіе преломленія лучей, и палка будетъ имѣть видъ изломанной подъ тупымъ угломъ. И это опять-таки не есть обманъ чувствъ, потому, что если снять съ палки въ такомъ положеніи фотографическій снимокъ, то она и на снимкѣ выйдетъ согнутой. Объ ошибкахъ мы могли бы говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы мы подумали, что палка на самомъ дѣлѣ согнута, заблужденіе же наше заключалось бы лишь въ томъ неправильномъ предположеніи, что преломленіе лучей какъ въ воздухѣ, такъ и въ водѣ одинаково. Такихъ

¹⁾ Не бесполезно также и наблюдать за пріемами фокусниковъ, хотя бы и самыхъ нехитрыхъ. Кстати замѣчу, что въ наше время опыты у спиритическихкихъ медіумовъ объясняются почти исключительно ловкимъ фокусничествомъ.

случаевъ масса: отмѣтимъ напр. явленія, сопровождающія иррадіацію свѣта, вслѣдствіе которой освѣщенные плоскости кажутся шире, чѣмъ темныя. Въ силу того же темный четырехугольникъ среди свѣтлаго пространства кажется меньше, чѣмъ равновеликій свѣтлый между темными плоскостями, — люди въ темной одеждѣ кажутся худощавѣе одѣтыхъ въ свѣтлое платье, — пересѣченная на части линия кажется короче цѣльной, — квадратъ, пересѣченный горизонтально, кажется шире, онъ же, пересѣченный перпендикулярно, кажется выше, — одноцвѣтная съ длинными продольными полосами одежда придаетъ человѣку какъ будто болѣе роста, пестрая съ горизонтальными полосами одежда дѣлаетъ человѣка какъ будто ниже, — линии, идущія параллельно, кажутся вдали сближающимися (желѣзнодорожныя рельсы, аллея, и под.), — и перпендикулярныя линии, пересѣченныя въ косомъ направленіи короткими параллельными линиями, кажутся раздвигаемыми, а огонь ночью кажется значительно ближе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ обманомъ чувствъ, а только съ явленіями, основанными на законахъ оптики, весьма часто игнорируемыми.

Всѣ описанные случаи и безчисленное множество имъ подобныхъ могутъ найти мѣсто и въ свидѣтельскихъ показаніяхъ рѣшающей важности, и если показанія — приняты на вѣру и не будутъ изслѣдованы до послѣднихъ основаній, то послѣдствіемъ ихъ могутъ оказаться крупнѣйшія ошибки. Мы говоримъ не только о такихъ случаяхъ, когда человѣкъ, одѣтый въ бѣлое и встрѣченный ночью, принимается за человѣка большаго роста, тогда какъ онъ оказался мальчикомъ, но цѣлыя происшествія могутъ быть неправильно поняты вслѣдствіе такого рода ошибочныхъ заключеній именно потому, что отъ какого нибудь перваго ошибочнаго чувственнаго впечатлѣнія были поставлены въ зависимость всѣ послѣдующія данныя и переданы въ извращенномъ видѣ. Установить, въ чемъ кроется ошибка, почему то или другое воспріятіе оказалось неправильнымъ, не всегда легко, потому что не всегда оно объясняется однимъ лишь дѣйствіемъ такихъ техническихъ явленій, какъ преломленіе лучей, иррадіація; часто весьма сложенъ собственно психическій процессъ, повлекшій ошибку. Мы хорошо знаемъ напр., что ночью, особенно во время тумана предметы, представшіе предъ нами внезапно, кажутся увеличенными до гигантскихъ размѣровъ. Умственный процессъ при этомъ довольно сложенъ: положимъ, я вижу въ туманную ночь неожиданно передъ собой лошадь, очертанія кото-

рой вслѣдствіе тумана представляются неясными, — мнѣ извѣстно изъ опыта, что предметы, являющіеся съ неясными очертаніями, обыкновенно находятся въ отдаленномъ разстояніи, затѣмъ я знаю, что предметы отдаленные кажутся гораздо меньше. Отсюда я долженъ заключить, что лошадь, несмотря на воображаемое разстояніе представляющая въ натуральной величинѣ, должна быть сама по себѣ огромныхъ размѣровъ. Ходъ мыслей значить таковъ: я вижу лошадь неясно, значить она далеко отъ меня, тѣмъ не менѣе она имѣетъ свою натуральную величину, каковы же должны быть ея размѣры, если она подойдетъ ближе!

Само собою разумѣется, что такіе выводы не дѣлаются медленно и сознательно: они возникаютъ въ умѣ мгновенно, безъ размышленія, нисколько не нарушая самоувѣренности сужденія, и впоследствии бываетъ въ высшей степени затруднительно прослѣдить ходъ мыслей и найти ошибку. Если же самъ наблюдатель въ прошествіи найдетъ что либо непонятное, необъяснимое, то ему становится жутко: такимъ путемъ создается представленіе страшнаго, играющее столь значительную роль въ показаніяхъ свидѣтелей.— Если я напр., конечно, въ какой-нибудь неожиданной, загадочной обстановкѣ вижу скачущую лошадь и при этомъ не слышу стука ея копытъ, если я вижу колебаніе листьевъ и вѣтокъ деревьевъ и въ то же время не ощущаю вѣтра, или если я встрѣчаю при свѣтѣ луны человѣка, который не отбрасываетъ за собой тѣни, то все это покажется мнѣ страшнымъ, потому что въ логической цѣпи событий оказался непонятный пробѣлъ. Какое впечатлѣніе производятъ такіе таинственные случаи на психическое состояніе человѣка, конечно, извѣстно: съ того момента, какъ чувство страха охватило душу, ни одно чувственное воспріятіе не можетъ быть признано надежнымъ. Болѣе того, есть основаніе усомниться, правдиво ли и то представленіе, какое сложилось до момента страха. Къ тому же рѣдко кто признается откровенно, что ему было страшно: вотъ почему необходимо постараться вскрыть весь ходъ умозаключеній свидѣтеля, такъ какъ только этимъ путемъ мы можемъ уловить моментъ появленія страха и такимъ образомъ обнаружить источникъ ошибокъ.

Точно также важнымъ источникомъ ошибокъ является сложение и дѣленіе наблюденій. Это бываетъ въ особенности, когда дѣло идетъ о наблюденіяхъ за движеніями. Всѣмъ извѣстны ощущенія, которыя испытываются ѣдущими въ поѣздѣ желѣзной дороги, когда кажется, что поѣздъ стоитъ, а окружающіе предметы движутся, или

ощущения. испытываемыя стоящими на мосту и смотрящими на текущую воду: имъ кажется, что мостъ плыветъ внизъ по течению. Последний примѣръ доказываетъ, что объясненіе этихъ явленій нельзя свести только къ одному тому, что мы подмѣтили различіе этихъ движеній; но мы должны найти иное объясненіе этихъ явленій. — если движеніе мы расчленимъ на отдѣльные его моменты. Мы часто слышимъ, что свидѣтель не можетъ показать, *бросилъ ли* обвиняемый стаканъ въ голову потерпѣвшаго, или *ударилъ* имъ, и часто свидѣтели показываютъ разное. Въ подобныхъ случаяхъ нельзя сказать, чтобы часть свидѣтелей говорила неправду, такъ какъ человѣкъ видитъ сравнительно медленно ¹⁾, т. е. употребляетъ относительно довольно продолжительное время для того, чтобы воспринять извѣстное оптическое явленіе. Въ настоящемъ случаѣ свидѣтели видѣли поднятіе стакана съ мѣста, и какъ онъ затѣмъ попалъ въ голову потерпѣвшаго, все лежащее между этими двумя моментами ими не было сознано, такъ какъ происходило слишкомъ быстро, чтобы оставить отдѣльное впечатлѣніе. Этотъ пробѣлъ пополняется обыкновенно различными умозаключеніями, и какъ это дѣлаетъ каждый свидѣтель, зависитъ отъ индивидуальности его и минутнаго настроенія. Въ большей части случаевъ этотъ пробѣлъ будетъ заполненъ тѣмъ предположеніемъ, которое явилось у свидѣтеля въ первый моментъ. Когда обвиняемый поднималъ стаканъ, одни свидѣтели думали: теперь онъ его *ударитъ*, а другіе думали: теперь онъ въ него *броситъ*. И какъ только стаканъ очутился у головы потерпѣвшаго, каждый изъ свидѣтелей дополнилъ незамѣченный имъ моментъ согласно съ своимъ первоначальнымъ предположеніемъ.

То обстоятельство, что мы, какъ сказано выше, видимъ сравнительно медленно, имѣетъ для насъ вообще важное значеніе. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны моментальные фотографическіе снимки. Если мы, напр., видимъ моментальный снимокъ галопирующей лошади, то мы, конечно, скажемъ, что лошадь такъ не выглядѣла ни въ одинъ моментъ галопа. Это происходитъ отъ того, что фотографическій аппаратъ схватилъ такой короткій моментъ, какого мы не были въ состояніи уловить глазомъ.

Такимъ образомъ мы воспринимаемъ безъ сознанія глазами цѣлый рядъ быстро слѣдующихъ одна за другою картинъ и сое-

¹⁾ Ср. статьи М. Фридриха, Э. Тишера, Каттелля и др. въ „*Physiologische Psychologie*“ Вундта, 3 изд. 2-ой томъ стр. 305 и слѣд.

дишемъ эти моментальныя, пока еще не сознанныя, ощущенія въ одну общую картину, которая однако на самомъ дѣлѣ, какъ таковая, не существовала. Эту никогда не существующую картину мы напрасно ищемъ на моментальномъ фотографическомъ снимкѣ, который, конечно, не будетъ соответствовать всему видѣнному и воспринятому. Обращаясь къ нашей области, возьмемъ такой примѣръ: положимъ, что событіе, быстро совершившееся, состоитъ изъ моментовъ *a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m*, которые вслѣдствіе быстроты не могли быть каждый въ отдѣльности восприняты человѣческимъ глазомъ. Поэтому наблюдатель соединялъ въ общую картину лишь часть схваченныхъ имъ моментовъ: составленныя такимъ путемъ картины будутъ однако весьма различны одна отъ другой съ одной стороны потому, что каждый наблюдатель при составленіи общей картины можетъ начинать съ различныхъ моментовъ, съ другой стороны потому, что быстрый наблюдатель составляетъ картину уже на основаніи *нѣсколькихъ* моментовъ, для медленнаго же наблюдателя требуется большее число ихъ.

Въ первомъ случаѣ напр. впечатлѣніе картины могло получиться на основаніи моментовъ такъ: у перваго—*abc-def-ghi-klm*; у втораго наблюдателя, который взглянулъ нѣсколько позднеѣ, впечатлѣніе общей картины сгруппировалось изъ слѣдующихъ моментовъ: *bcd-efg-hik*.

При нѣкоторой разницѣ въ быстротѣ наблюденій можетъ быть и такая комбинація, что быстрый наблюдатель составляетъ впечатлѣніе картины по двумъ моментамъ, а именно: *ab-cd-ef-gh ik-lm*, между тѣмъ какъ менѣе быстрый наблюдатель получитъ картину послѣ трехъ моментовъ въ такой группировкѣ: *abc-def-ghi-klm*.

Если полученныя такимъ образомъ картины разнятся одна отъ другой по составу, то онѣ могутъ еще болѣе отличаться другъ отъ друга, если мы примемъ въ соображеніе, что тотъ или другой зритель можетъ упустить невольно какіе нибудь изъ моментовъ, напр. *a-d-g-k*, или же если они оставятъ въ немъ неясное впечатлѣніе,—въ этомъ случаѣ составныя части картины, наблюденной каждымъ, будутъ еще болѣе разниться, и описаніе одного и того же событія разными лицами во многихъ отношеніяхъ будетъ неодинаково, хотя бы всѣ они наблюдали равномерно и хорошо.

Само собой разумѣется, что въ дѣйствительности невозможно выяснить различіе тѣхъ картинъ, которыя составляются зрителями на основаніи отдѣльныхъ моментовъ. Вышеизложенный математическій примѣръ приведенъ лишь съ цѣлью разлечить нѣкоторые изъ этихъ наблюденій, отличныхъ одно отъ другого.

Въ одинаковой степени важны, но не въ такой мѣрѣ поддаются расчлененію такъ называемые обманы слуха. У больныхъ они встрѣчаются чаще, чѣмъ оптическіе, но мы не будемъ на нихъ останавливаться, ограничившись совѣтомъ, какъ можно тщательнѣе слѣдить, не страдаетъ ли больной иллюзіей слуха, все же остальное есть дѣло эксперта—врача. Мы займемся только тѣми акустическими обманами, которые встрѣчаются у здоровыхъ лицъ и у такихъ, которые хотя и здоровы вообще, но въ извѣстный моментъ были въ ненормальномъ состояніи. Къ такимъ лицамъ слѣдуетъ отнести находившихся въ состояніи неимовернаго страха, или же въ опасности, угрожавшей жизни.—На это слѣдуетъ обращать вниманіе, особенно при допросѣ такихъ лицъ, которые получили опасныя для жизни поврежденія въ дракѣ, при покушеніи на убійство, во время разбоя и т. д. Не говоря о томъ, что вслѣдствіе страха, ужаса и боли люди впадаютъ во всевозможныя недоразумѣнія, состояніе, переживаемое ими, вообще нельзя не уподобить состоянію болѣзненному. Они подвергаются настоящимъ галлюцинаціямъ: слышать слова, никѣмъ не сказанныя, слышать голоса преслѣдователей и угрозы, слышать, какъ кто то обѣщаетъ помощь, хотя бы никого не было вблизи. Весьма замѣчательны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя акустическія явленія, сопряженныя съ воспоминаніями о давно прошедшихъ событіяхъ. Такъ Гоппе передаетъ одинъ случай съ утопавшимъ матросомъ, который въ моментъ лишенія сознанія ясно слышалъ голосъ своей матери: «Юни, это ты съѣлъ ягоды твоей сестры?» Эти слова мать говорила ему какъ-то въ раннемъ дѣтствѣ, и съ той поры онъ ни разу не думалъ объ этомъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, никакъ нельзя было предположить, чтобы эти слова говорились матросу кѣмъ либо. Представимъ же себѣ, что мы имѣемъ передъ собой потерпѣвшаго, получившаго тяжкія поврежденія, который показываетъ, что слышалъ то или другое,—при извѣстныхъ условіяхъ, быть можетъ, даже и не будетъ поводовъ сомнѣваться въ правильности его жалобы. Но вообще слѣдуетъ быть осторожнымъ и не оставлять безъ провѣрки заявленій потерпѣвшихъ о томъ, съ какой стороны, въ какомъ разстояніи, съ какой силой слышался голосъ. Если подобную провѣрку вмѣнить себѣ въ привычку, то можно натолкнуться на любопытныя явленія: оказывается поразительно много людей, которые не въ состояніи опредѣлить, слышенъ ли голосъ сверху или снизу, справа или слѣва, сзади или впереди, издали или вблизи, и при этомъ рѣдкій изъ такихъ субъектовъ знаетъ о своей неспособности правильно опре-

дѣлать направленіе звуковъ. Часто, впрочемъ, невозможность, при сообщеніи о какихъ либо звукахъ и т. п., ориентироваться въ отношеніи мѣста, откуда они раздавались, объясняется лишь условіями самой мѣстности, напр., на улицахъ города, въ горахъ и т. д.

Затѣмъ не каждый обладаетъ способностью яснаго пониманія звуковъ, и большинство людей понимаетъ слышанное не по буквальному значенію словъ, а по общему смыслу. Это не было бы такъ опасно, если бы всѣ понимали правильно этотъ смыслъ. Обыкновенно же они придаютъ словамъ тотъ смыслъ, который имъ кажется правильнымъ, съ ихъ субъективной точки зрѣнія, въ этомъ и кроется причина безграничнаго различія въ воспріятіяхъ. Часто мы имѣемъ возможность исправить это разнообразіе путемъ увеличенія числа свидѣтелей, но если для какого нибудь важнаго показанія имѣется только одинъ свидѣтель, то мы по большей части дѣлаемъ ошибку, придавая показанію его, никѣмъ не опровергаемому, безусловную вѣру. При этомъ, однако, нужно сказать, что и допросъ нѣсколькихъ свидѣтелей объ одномъ и томъ же обстоятельстве не всегда устраняетъ возникшія сомнѣнія. Когда человѣкъ понялъ что либо неправильно, то причина этого могла быть не только субъективная, но и объективная; въ первомъ случаѣ (напр. когда онъ слушалъ невнимательно) вполне возможно исправить недочетъ допросомъ другихъ свидѣтелей, въ послѣднемъ же случаѣ (напр. ошибка, вызванная условіями мѣстности, явленіями акустики), результатъ этихъ объективныхъ условій будетъ одинаковъ, т. е. слышали неправильно, всѣ безъ исключенія свидѣтели, и всѣ они дали неправильныя показанія. Поэтому слѣдуетъ весьма остерегаться ложнаго вывода, что «это обстоятельство доказано, какъ подтвержденное многими свидѣтелями».

Если такимъ образомъ нужно осторожно относиться къ слуховымъ ощущеніямъ при обыкновенномъ ходѣ вещей, то тѣмъ болѣе требуется вниманія, если случай представляетъ какія нибудь осложненія, на примѣръ: голосъ раздавался издалека, или въ видѣ крика, визга, вообще ненатуральнымъ тономъ, или же когда голосъ принадлежалъ лицу другой національности, другого нарѣчія, иного образованія, нежели свидѣтель. Требуется осторожность и въ томъ случаѣ, когда голосъ послышался неожиданно для свидѣтеля, когда онъ не понималъ связи слышаннаго и одновременно происходившаго, или же если есть основаніе думать, что эта связь была имъ неправильно понята. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что память въ данномъ случаѣ никакой роли не играетъ, такъ какъ сви-

дѣтели немедленно послѣ воспріятія неправильныхъ слуховыхъ ощущеній воспроизводятъ ихъ неправильно. Точно также слѣдуетъ помнить, что дословная передача, въ особенности болѣе длинныхъ фразъ, для лица низшаго образованія не только весьма затруднительна, но и всегда сопровождается искаженіями, если требуется отъ него дословной передачи. Остается поэтому удовлетворяться передачей содержанія слышанныхъ фразъ, при чемъ безусловно необходимо каждый разъ удостовѣриться въ томъ, насколько свидѣтель правильно понялъ дѣло, — такъ какъ иначе онъ неизбежно исказитъ слышанное согласно степени своего пониманія. Извѣстное значеніе, смотря по обстоятельствамъ, могутъ получить также и такъ наз. фонизмъ (слуховыя ощущенія, вызванныя подъ вліяніемъ свѣтовыхъ явленій) и фотизмъ (свѣтовыя ощущенія, вызванныя дѣйствіемъ звуковъ). Подобныя наблюденія нерѣдки; такъ, напр., многіе слышатъ ясное хрустѣніе при появленіи полярнаго свѣта. Нужно полагать, что это ни что иное, какъ рѣзко выражающіяся ассоціаціи идей.

Относительно обмановъ въ области другихъ чувствъ можно сказать немногое, такъ какъ таковыя большаго практическаго значенія не имѣютъ. Такъ напр., чувство осязанія можетъ повести къ неправильнымъ представленіямъ, и такія ошибки, какъ извѣстно, могутъ имѣть значеніе въ уголовныхъ дѣлахъ, въ особенности тогда, когда вопросъ идетъ о времени нанесенія полученныхъ поврежденій. Такъ мы знаемъ, что ударъ ножомъ и вонзаніе огнестрѣльной пули ощущаются прежде всего, какъ толчки, что незначительныя поврежденія въ первую минуту кажутся серьезными и наоборотъ, смертельныя весьма часто сначала совсѣмъ не ощущаются. Мы знаемъ, что человѣкъ, получившій во время драки нѣсколько легкихъ и одно тяжкое поврежденіе, рѣдко бываетъ въ состояніи указать, въ какой моментъ ему было причинено тяжкое поврежденіе; мы знаемъ также, что рѣдко кто изъ получившихъ раны раскажетъ правильно, сколько онъ получилъ ударовъ или толчковъ. Однимъ словомъ, заявленія потерпѣвшихъ относительно ихъ ощущеній, полученныхъ въ сферѣ чувства осязанія, суть или поверхностны, или ненадежны.

Слѣдуетъ упомянуть при этомъ объ одномъ обстоятельствѣ, до сего времени слишкомъ мало обращавшемъ на себя вниманіе, а именно, что отдѣльныя части нашего тѣла только тогда передаютъ правильно ощущенія головному мозгу, когда находятся въ нормальномъ состояніи. Если, напр., возьмемъ горошинку большимъ и указательнымъ пальцами, то мы ощущаемъ ее только однимъ

ощущеніемъ, хотя осязаемъ горошинку двумя пальцами. Если затѣмъ мы третій палецъ положимъ сверхъ четвертаго и возьмемъ ими горошинку, то получимъ двукратное ощущеніе, именно потому, что пальцы не находятся въ нормальномъ положеніи и въ силу этого передаютъ двойное ощущеніе. Иначе сказать, двойное ощущеніе есть въ сущности правильное, осязая же горошинку пальцами въ нормальномъ положеніи, мы вводимъ въ сознаніе всеневный опытъ и ощущаемъ только *одну* горошинку. Возьмемъ другой примѣръ: если скрестить руки, соединивъ пальцы, и затѣмъ вывернуть кисти такъ, чтобы пальцы лѣвой руки были налѣво, а правой—направо, то мы совершенно утратимъ представленіе о локализации пальцевъ, и если тогда другое лицо попроситъ поднять извѣстный палецъ съ указаніемъ, на какой рукѣ, то обыкновенно происходитъ ошибка, и поднимается палецъ не той руки. Изъ этого мы видимъ, что чувство осязанія вообще не въ высокой степени развито у человѣка, такъ что во многихъ случаяхъ оно нуждается въ содѣйствіи другого чувства, преимущественно чувства зрѣнія: чувственныя воспріятія, основанныя на одномъ осязаніи, вообще ненадежны и могутъ апперципировать только немногіе и болѣе грубые характерные признаки вещей.

Несовершенство осязательныхъ ощущеній, между прочимъ, весьма убѣдительно подтверждается одною игрою молодежи, состоящей въ томъ, что подъ столомъ передаются изъ рукъ въ руки (изъ участвующихъ секретъ должны знать одинъ и не болѣе двухъ) разные предметы: кусокъ мягкаго мучнаго тѣста, очищенная сырая картофелина съ коротенькими деревянными шпелъками, мокрая наполненная пескомъ кожанная перчатка, кожаца отъ рѣвы, снятая спиралеобразно, и т. п. Всякій получающій въ руки одинъ изъ этихъ предметовъ, не имѣя возможности его видѣть, воображаетъ, что ему подсунули какое нибудь противное животное и бросаетъ его: чувствомъ осязанія онъ воспринимаетъ мокрое, холодное и скользкое, значить лишь самыя грубые характерные признаки пресмыкающагося животнаго, воображеніе же придаетъ этимъ предметамъ жизнь и движеніе и т. д.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что осязательныя ощущенія обладаютъ нѣкоторой долей заразительности. Если, напр., вблизи меня бѣгутъ муравьи, то я немедленно ощущаю, какъ будто такіе муравьи бѣгутъ и по тѣлу, или если я вижу рану, или таковую мнѣ описываютъ, то я часто на соответствующемъ мѣстѣ тѣла ощу-

щаю известную боль ¹⁾. Понятно, что у свидѣтелей съ воспримчивой натурой это можетъ вызвать ложныя ощущенія.

Характеристика чувства осязанія была бы не полна, если бы мы не упомянули еще объ одномъ свойствѣ осязательныхъ ощущеній. объ ихъ относительности въ большей степени, чѣмъ другихъ чувствъ. Мы находимъ, что зимой въ погребѣ тепло, а лѣтомъ холодно, конечно, по причинѣ рѣзкой разницы съ температурой наружнаго воздуха; если мы опускаемъ одну руку въ горячую, а другую въ холодную воду и затѣмъ обѣ руки въ воду средней температуры, то одна рука будетъ ощущать холодъ, а другая — теплоту. Описание ощущеній осязанія довольно часто можно встрѣтить въ нашихъ протоколахъ, поэтому нужно всегда помнить объ ихъ малой достовѣрности. Въ известномъ отношеніи близки къ описаннымъ и своеобразныя явленія, объясняемыя неправильностями въ строеніи нашего тѣла, напр., блужданіе идущаго въ одномъ и томъ же кругу, вмѣсто того, чтобы идти впередъ прямымъ путемъ. Это наблюдается въ особенности тогда, когда кто-либо идетъ въ незнакомой мѣстности въ туманную погоду, въ мятель, или ночью въ лѣсу, — а чаще всего въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо, подъ влияніемъ опьяненія, или страха, или болѣзни, или ошеломляющаго удара въ голову, или вслѣдствіе потери крови, не обладаетъ въ полной мѣрѣ своими чувствами. Въ подобныхъ случаяхъ на первый взглядъ кажется невѣроятнымъ поведеніе потерпѣвшаго, который послѣ совершеннаго на него нападенія, разбоя, изнасилованія и т. п., вмѣсто того, чтобы убѣгать, бродилъ около мѣста преступленія. Въ настоящее время никто не будетъ оспаривать, что такой потерпѣвшій о самомъ событіи преступленія покажетъ сущую правду.

Что касается чувствъ обонянія и вкуса, то таковыя весьма часто бываютъ извращены не только вслѣдствіе болѣзни, но и у вполне нормальныхъ людей. при чемъ трудно составить о нихъ ясное представленіе вслѣдствіе невозможности провѣрить эти ощущенія. Въ жизни они играютъ менѣе значительную роль, чѣмъ чувства зрѣнія и слуха: мы можемъ всякому предложить вопросъ и затѣмъ объективно убѣдиться въ томъ, хорошо ли онъ видитъ и слышитъ, но вопросъ о тонкости вкуса и обонянія совершенно безцѣленъ въ виду невозможности провѣрить справедливость отвѣта.

¹⁾ Студентамъ медикамъ хорошо известно, что чуть не половина аудиторіи начинаетъ испытывать чувство зуда при чтеніи лекціи о сыпныхъ болѣзняхъ, вызывающихъ зудъ.

Къ тому же, въ области этихъ чувствъ встрѣчаются совершенно своеобразныя явленія: если я, напр., какое-нибудь кушаніе по наружному его виду признаю за сладкое и мучное, между тѣмъ какъ оно въ дѣйствительности соленое и мясное, то я во время ѣды не буду ощущать истиннаго вкуса въ кушаніи, а исключительно противный вкусъ. Въ этомъ случаѣ представленіе о сладкомъ и мучномъ кушаніи смѣшалось съ настоящимъ вкусомъ соленаго и мучнаго до такой степени, что какъ будто оба кушанія дѣйствительно были смѣшаны.

Относительно чувства обонянія главнымъ образомъ слѣдуетъ отмѣтить, что ощущенія пріятныя и непріятныя—весьма условны. Одни находятъ восхитительнымъ запахъ гнилыхъ яблокъ, другіе—запахъ мокрой купальной губки, одни говорятъ: «противный запахъ, какъ будто отъ падали», другіе о томъ же говорятъ: «восхитительный *haut goût*». Есть женщины, которыя считаютъ запахъ смолы «*Assa foetida*» самымъ пріятнымъ, обыкновенно же эта смола за свой запахъ носить имя «чертова кало». О запахѣ чеснока мнѣнія также расходятся; весьма употребительные духи: мускусъ и пачули многіе совсѣмъ не выносятъ. Поэтому при оцѣнкѣ обонятельныхъ ощущеній слѣдуетъ быть тѣмъ осторожнѣе, что тонкость обонянія бываетъ въ высокой степени различна. Есть люди, которые по запаху узнаютъ въ комнатѣ о присутствіи кошки, или же которые по запаху платьевъ въ состояніи опредѣлить ихъ владѣльцевъ, между тѣмъ какъ другіе совершенно не различаютъ самыхъ рѣзкихъ запаховъ. Должно отмѣтить при этомъ поразительную неизмѣнность чувства обонянія: всѣмъ извѣстно, что запахъ, который мы ощущали всего одинъ разъ лѣтъ 10 назадъ, при новомъ появленіи его не только вспоминается, но и вызываетъ въ памяти нашей цѣлыя картины давно прошедшаго. Часто это помогаетъ свидѣтелю возстановить въ памяти своей извѣстные факты.

β) О памяти ¹⁾.

Вторымъ условіемъ умственной дѣятельности лица допрашиваемаго является его память. Существо памяти вообще столь замѣчательно и сложно, и проявленія дѣятельности ея столь разнообразны, что С. С. не можетъ не остановиться на ней самаго серьез-

¹⁾ См. указанія на литературу въ моей „Уголовной психологіи“, стр. 340 и слѣд.

наго вниманія. Вѣдь отъ вѣрности памяти и правильнаго ея функционированія часто зависитъ вполне разъясненіе событія преступленія.

Функция памяти, по словамъ Фореля ⁵⁾, бываетъ троякая: 1) пережитое должно оставить извѣстное впечатлѣніе, 2) это впечатлѣніе можетъ быть восстановлено и 3) восстановленное должно быть тождественнымъ съ пережитымъ. «Если я вчера, говоритъ Форель, въ первый разъ въ жизни видѣлъ бѣлаго медвѣдя и сегодня объ немъ вспомнилъ, то 1) бѣлый медвѣдь оставилъ извѣстное впечатлѣніе, 2) сегодня я воспроизвелъ въ себѣ образъ бѣлаго медвѣдя и 3) установилъ тождественность вчера видѣннаго звѣря съ сегодня воспроизведеннымъ».

Этотъ примѣръ разъясняетъ все, что можно сказать о дѣятельности памяти. Остается установить, какіе именно результаты достигаются функциями ея, каждой въ отдѣльности. О правильности воспріятій мы уже говорили; отъ правильности ихъ прежде всего, конечно, зависитъ и правильность послѣдующихъ функций.

Вторая функция памяти есть воспроизведеніе. Правильность ея зависитъ отъ того, насколько (хорошо или плохо) разъ воспріятное вновь появляется въ сознаніи, и какъ пополнялись оказавшіеся пробѣлы. Эти пополненія могутъ быть сдѣланы вполне исправно путемъ аналогіи, или же ошибочно вслѣдствіе участія фантазіи, или же, наконецъ, пробѣлы могутъ остаться совершенно непополненными.

Слѣдующей по времени функцией памяти является функция установленія тождества между первымъ впечатлѣніемъ и продуктомъ воспроизведенія, при чемъ въ соображеніе принимается, дѣйствительно ли и въ какой мѣрѣ одно покрываетъ другое. Смотря по успѣху этого процесса, является большая или меньшая самоувѣренность при показаніи. Остановимся еще разъ на примѣрѣ, приведенномъ Форелемъ. Первая функция зависитъ отъ того, съ какой степенью тщательности и безошибочности я наблюдалъ бѣлаго медвѣдя, вторая функция восстановить въ умѣ образъ медвѣдя или вполне законченный, или съ нѣкоторыми пробѣлами. Положимъ, напр., я восстановилъ въ сознаніи образъ бѣлаго медвѣдя совершенно полно, но забылъ, есть ли у него хвостъ и какой. Если я по общей наружности животнаго сдѣлаю правильное о томъ заключеніе, то пополню этотъ пробѣлъ въ памяти; если же я восстановлю въ памяти невѣрное представленіе бѣлаго медвѣдя, то и пробѣлъ будетъ пополненъ также невѣрно. Если я для пополненія про-

бѣловъ не буду прибѣгать ни къ помощи аналогіи, ни къ помощи фантазіи, то пробѣлъ останется открытымъ: я просто не помню. Былъ ли у животнаго хвостъ и какой.

Тамъ, гдѣ оканчивается воспроизведеніе полученнаго рапѣ впечатлѣнія, начинается процессъ установленія тождества обѣихъ картинъ: правильность этого процесса зависитъ отъ болѣе или менѣе строгаго критическаго отношенія къ этимъ картинамъ.

Эти три функціи С. С. долженъ строго и точно въ каждомъ важномъ дѣлѣ умѣть различать, разъ онъ только имѣетъ подозрѣніе, что память измѣняетъ свидѣтелю. Если онъ отнесется поверхностно къ поискамъ, гдѣ именно въ памяти свидѣтеля кроется ошибка, пробѣлъ, то можно заранѣе съ увѣренностью предсказать безуспѣшность этихъ поисковъ, но если онъ прослѣдитъ каждую изъ трехъ названныхъ функцій памяти *отдѣльно*, то въ большинствѣ случаевъ онъ найдетъ ошибку. Такимъ образомъ онъ долженъ спросить, сколько времени продолжалось первое чувственное воспріятіе, какъ и въ какой обстановкѣ оно произошло, какъ свидѣтель вообще воспринимаетъ, однимъ словомъ, независимо отъ правильности, онъ постарается выяснитъ глубину и основательность перваго впечатлѣнія. Затѣмъ онъ предложитъ вопросы и о процессѣ воспроизведенія, въ особенности относительно пополненія имъ пробѣловъ и, наконецъ, дойдетъ до послѣдняго процесса установленія тождества между первымъ впечатлѣніемъ и воспроизведенной картиной. Въ особенности, если С., совмѣстно съ свидѣтелемъ, вторично проанализируетъ процессъ сопоставленія обѣихъ картинъ, онъ почти всегда нападеть на случившуюся ошибку. Пусть не говорятъ, что для такой процедуры требуется слишкомъ много времени: во всякомъ случаѣ потеря времени будетъ менѣе, чѣмъ когда С. С., натолкнутый на ложный путь, произведетъ массу лишнихъ допросовъ для возстановленія истины.

Слѣдуетъ строго отличать сознательную дѣятельность памяти отъ бессознательной, которой принадлежитъ гораздо большая роль въ умственной жизни человѣка, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Англійскій изслѣдователь сочиненій Гёте, Льюисъ, весьма удачно иллюстрировалъ дѣятельность бессознательной памяти примѣромъ, взятымъ изъ физики: если на бѣлый листъ бумаги, ярко освѣщенный солнцемъ, положить ключъ, потомъ его убрать и листъ бумаги положить въ темную комнату, то тѣневое изображеніе ключа появится передъ глазами, если смотрѣть на этотъ листъ хотя бы послѣ значительнаго промежутка времени. Совершенно такъ дѣй-

ствують въ насъ иной разъ воспоминанія, хотя бы не перешедшія въ сознание, но побуждающія къ тѣмъ или другимъ поступкамъ. Форель говоритъ: «если я, углубившись въ какую-нибудь философскую проблему, обойду лужу на улицѣ, то я поступилъ такъ въ силу известной несознанной мысли, не перешедшей въ сознание». Это обстоятельство для насъ очень важно, такъ какъ цѣлый рядъ человѣческихъ дѣйствій мы можемъ объяснить себѣ именно посредствомъ участія въ нихъ безсознательной памяти. Мы дѣлаемъ часто ту большую ошибку, что вообще не принимаемъ въ расчетъ безсознательной памяти, потому ли, что забываемъ о ней, или потому, что не знакомимся съ житейскими привычками тѣхъ людей, съ которыми имѣемъ дѣло, или же потому, что вообще не вдумываемся въ эти привычки. Намъ, въ силу этого, кажется совершенно невѣроятнымъ, если человѣкъ иной профессіи, нежели наша, говоритъ, что совершилъ безсознательно то, для чего каждому изъ насъ потребовалось бы много времени на размышленіе. Вотъ почему безусловно необходимо выяснитъ прежде всего, какой образъ жизни велъ этотъ человѣкъ, потому что только при этомъ условіи мы въ состояніи опредѣлить возможность и степень участія безсознательной работы его памяти. Въ общемъ, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что безсознательная память, какъ основывающаяся на длинномъ рядѣ впечатлѣній, есть самая прочная.

Когда приходится прибѣгать къ памяти другого лица, значительную услугу оказываетъ отысканіе соединительныхъ звеньевъ между отдѣльными воспоминаніями. Каждый изъ насъ знаетъ, какъ онъ помогаетъ своей памяти тѣмъ, что пристегиваетъ одинъ фактъ къ другому, съ цѣлью найти нить къ забытымъ даннымъ. Напр., мнѣ хотѣлось бы припомнить, когда я купилъ известную вещь. Въ самомъ началѣ, быть можетъ, я ничего не припомню, но вдругъ мнѣ вспоминается, что я этотъ предметъ, послѣ покупки, несъ одно время въ рукѣ, пока рука не стала зябнуть, значить это было зимой; затѣмъ я эту вещь засунулъ въ лѣвый карманъ моей шубы, значить это было въ истекшемъ году, ибо въ прошломъ году у меня не было шубы съ такими карманами; когда я пришелъ домой, то засталъ своего друга X., значить это было въ среду, потому что X. посѣщалъ меня только по этимъ днямъ; припоминаю, что онъ обратилъ вниманіе на мою новую шубу, значить она была только что сдѣлана; изъ счета же объ этой шубѣ я усматриваю, что она доставлена ко мнѣ въ началѣ ноября, и такимъ образомъ

съ помощью среды я съ точностью опредѣлилъ тотъ день и число, въ которое я купилъ вышеназванную вещь.

Къ такимъ приемамъ мы прибѣгаемъ часто, но людямъ несмѣтливымъ это дается не легко, и если есть надобность добиться отъ нихъ опредѣленныхъ указаній, то недостаточно только дать имъ для припоминанія время, но и слѣдуетъ имъ въ этомъ помогать, и, смотря но личной въ этомъ отношеніи находчивости С., можно достигнуть болѣе или менѣе точнаго возстановленія въ памяти требуемыхъ данныхъ. Для этого, конечно, необходимо принимать въ соображеніе всю обстановку, окружающую свидѣтеля, и его общественное положеніе. Попятно, что крестьянину слѣдуетъ помогать въ припоминаніяхъ сельско-хозяйственными событиями, какой-нибудь престарѣлой женщиной — церковными праздниками, лицу, ведущему разсѣянную жизнь — городскими сплетнями и происшествіями и т. п. Но и при менѣе типичныхъ свидѣтеляхъ всегда можно до извѣстной степени достигнуть своей цѣли, если пуститься съ нимъ въ разговоръ и мало по малу перейти къ деталямъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, много значитъ опытность: съ нею можно достигнуть прекрасныхъ результатовъ, но всегда слѣдуетъ остерегаться слишкомъ смѣлыхъ комбинацій и главнымъ образомъ всякаго внушенія. Если рѣчь идетъ объ опредѣленіи извѣстнаго времени, то рекомендуется изложить въ протоколѣ весь рядъ сохранившихся въ памяти свидѣтеля свѣдѣній, — такимъ путемъ можно по крайней мѣрѣ добиться условнаго опредѣленія времени («если доказано, что событіе А совершилось одновременно съ событіемъ В, и если событіе В приключилось въ деревнѣ С, и если лицо Д именно тогда былъ въ этой деревнѣ, то событіе А произошло въ деревнѣ С»), и всякому предоставляется установить правильность опредѣленія времени путемъ перепроверки промежуточныхъ событий.

Превосходнѣйшимъ средствомъ помочь воспоминаніямъ служить обращеніе свидѣтеля мысленно къ прежней обстановкѣ, къ тѣмъ жизненнымъ условіямъ, которыхъ касается его показаніе. Это средство намъ хорошо знакомо и изъ повседневной жизни. Я въ своемъ кабинетѣ рѣшаю, что во время заранѣе назначенной прогулки долженъ сдѣлать то и то, — вышедши же изъ дома, я совершенно забылъ объ этомъ, и всѣ мои усилія вспомнить, что я хотѣлъ сдѣлать, были тщетны. Возвратившись въ свой кабинетъ и присѣвъ на обычное мѣсто, на которомъ я и возимѣлъ то намѣреніе, я вдругъ вспоминаю, что именно я хотѣлъ сдѣлать. Дѣло заключается въ томъ,

что я бессознательно воспринимаю опять тѣ же самыя впечатлѣнія, которыя навели меня на это рѣшеніе: оглядываніе тѣхъ же предметовъ на письменномъ столѣ, знакомый слуху бой стѣнныхъ часовъ. обычное ощущеніе, испытываемое, когда садишься въ знакомое кресло и т. д. «Существуетъ особенный законъ, говоритъ проф. *Grashen*, что тѣ впечатлѣнія, которыя одновременно дѣйствуютъ на мозгъ, вступаютъ въ взаимное сочетаніе, или, какъ говорятъ, ассоціируются одно съ другимъ». Въ наше время играютъ большую роль «пути ассоціацій идей» гениальнаго Теодора Мейнерта.

Такого рода ассоціаціи идей въ умственной жизни людей имѣютъ большое значеніе. Мы знаемъ, что извѣстныя чувственныя впечатлѣнія: звонъ колоколовъ, то или другое освѣщеніе, въ особенности впечатлѣнія, оставленныя чувствомъ обонянія, какъ самыя прочныя, возстановливаютъ въ памяти картины самыхъ давнихъ событій жизни. Наблюденныя въ этомъ отношеніи явленія столь же любопытны, сколь и поучительны: при помощи такихъ чувственныхъ ощущеній можно иной разъ возстановить въ памяти даже совершенно, повидимому, изгладившіяся картины прошлаго.

Спрашивается, какъ примѣнять эти приемы къ нашей дѣятельности? Изъ изложеннаго видно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда для дѣла весьма цѣнно точное припоминаніе событій свидѣтелемъ, не остается ничего другого, какъ перенести свидѣтеля въ тѣ же условія, при которыхъ онъ получилъ извѣстные, забытые имъ, факты. Но для этого недостаточно вызвать свидѣтеля просто на мѣсто преступленія. Должно позаботиться также и о возстановленіи по возможности тогдашней обстановки, необходимо выбрать то же время дня и, если возможно, то же время года, тотъ же часъ и вообще обставить мѣсто преступленія по возможности такъ, какъ оно было. Нисколько не требуя, конечно, театральной сценировки, мы однако скажемъ, что чѣмъ обстановка будетъ точнѣе, тѣмъ лучше. Такого рода приемъ рекомендуется особенно тогда, когда дѣло идетъ о болѣе сложныхъ событіяхъ и главное объ установленіи того, въ какомъ порядкѣ извѣстный человѣкъ совершалъ извѣстныя дѣйствія, или же что именно было совершено въ нѣсколько быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ моментовъ каждымъ изъ другихъ лицъ. Отдѣльные моменты часто совершенно невозможно и возстановить въ памяти свидѣтеля, но это—легко, если вниманіе свидѣтеля перенести на мѣсто преступленія и въ знакомую обстановку. Я могу увѣрить, что такимъ путемъ можно достигнуть поразительныхъ результатовъ: свидѣтели, не припоминавшіе въ камерѣ ровно ничего,

на мѣстѣ событія получали совершенно другое настроеніе. сначала припоминали несущественное, а затѣмъ и главныя подробности. Не слѣдуетъ думать, что съ свидѣтелемъ на мѣстѣ преступленія происходитъ какое-то внезапное вдохновеніе. Пусть онъ сначала сообразится и ориентуруется, при чемъ съ нимъ слѣдуетъ поговорить о мѣстности вообще и лучше о болѣе безразличныхъ вещахъ, затѣмъ напомнить ему самыя характерныя факты событія, или тѣ, которые сохранились у него въ памяти, и, исходя отъ нихъ, возстановить въ памяти все событіе. Должно при этомъ остерегаться подсказывать свидѣтелю и косвеннымъ образомъ внушать ему, чтобы онъ говорилъ о томъ, чего не видалъ. Опасность отъ этихъ подсказокъ можетъ быть довольно значительна, но ее можно избѣгнуть, если предлагать свидѣтелю исключительно вопросы и въ этихъ вопросахъ не преподносить факты съ цѣлью ихъ подтвержденія. Нужно помнить впрочемъ, что иногда при извѣстныхъ условіяхъ могутъ случаться весьма рѣзкіе обманы памяти, заключающіеся въ томъ, что у человѣка почему-то складывается представленіе, какъ будто онъ то и то видѣлъ или слышалъ, хотя на самомъ дѣлѣ этого не было. Это случается не только при извѣстныхъ душевныхъ аномаліяхъ, но и у совершенно здоровыхъ лицъ, особенно въ случаяхъ сильнаго физическаго или душевнаго изнеможенія. Обыкновенно эти обманы относятся къ извѣстной мѣстности и выражаются въ ложныхъ представленіяхъ такого рода: «тутъ я, должно быть, одинъ разъ былъ»,—хотя въ дѣйствительности не былъ ни разу. Такіе обманы (*paramnesia*), вѣроятно всею, объясняются чтеніемъ, хотя и внимательнымъ, тѣхъ книгъ, содержаніе которыхъ однако давно забыто, яркими сновидѣніями и иными, исчезнувшими изъ памяти, впечатлѣніями. Этими вопросами занимались: Лейбницъ (*Perceptiones insensibiles*), де-Газъ, ван-Бьервлитъ, Jouris, A. Laland, Bourdon, затѣмъ Anheil, W. Sander, Hensen, Langwieler, Widmeister, Gupert, Orepellin, Wigan, Maydam, Neigoff и т. д. и наконецъ о нихъ же въ каждомъ учебникѣ психіатріи. Богатая литература по этому вопросу доказываетъ, что описанныя явленія весьма часто встрѣчаются и должны поэтому имѣть значеніе въ нашей дѣятельности.

Отмѣтимъ еще одно положеніе Рибо, кажущееся парадоксальнымъ, но въ сущности весьма основательное: «запамятованіе есть существенное условіе памяти». Рибо этимъ хочетъ сказать, что въ памяти можно удержать только извѣстное количество идей, и если она наполнена слишкомъ многимъ несущественнымъ, то въ

ней не находят мѣста идеи существенныя, которыя только и могутъ удержаться въ памяти, когда будетъ забыто несущественное. Примѣненіе этой теоріи къ нашей дѣятельности заключается въ томъ, что мы отнюдь не должны возстановлять въ памяти свидѣтеля слишкомъ много мелочей, такъ какъ въ этомъ случаѣ не останется мѣста для существеннаго. Вся трудность заключается въ томъ, чтобы возвратить его памяти лишь столько мелочей, сколько понадобится для припоминанія важныхъ вещей.

II. Нѣкоторые особенные случаи.

ж) Неправильныя наблюденія вслѣдствіе возбужденія.

Чувственныя воспріятія бываютъ различны уже при самыхъ обыкновенныхъ происшествіяхъ, при которыхъ никакъ нельзя предположить, чтобы зритель вслѣдствіе возбужденія былъ лишенъ возможности спокойнаго наблюденія; тѣмъ болѣе эти воспріятія разнятся въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдателя, благодаря обстановкѣ или иной причинѣ, охватилъ страхъ или волненіе: тогда уже нѣтъ мѣста спокойному, трезвому наблюденію. Примѣровъ этому можно найти массу. Изъ случаевъ, занесенныхъ на страницы исторіи, я упомяну о казни королевы Маріи Стюартъ. При вскрытіи ея гроба (въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія) обнаружилось, что королева получила два удара мечемъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ шею ниже затылка, а другимъ была отсѣчена голова отъ туловища; между тѣмъ сохранилось нѣсколько разсказовъ современниковъ этой казни, излагающихъ со свойственной англичанамъ точностью и пунктуальностью все событіе, и ни одинъ изъ писателей не упоминаетъ о другомъ ударѣ въ шею. Описанія эти составлены такъ, что нельзя допустить со стороны кого-либо изъ присутствовавшихъ запытованія: очевидно, они всѣ находились въ такомъ возбужденномъ состояніи, что просто не замѣтили перваго удара и, безъ сомнѣнія, подтвердили бы это подъ присягой, если бы были вызваны въ судъ ¹⁾.—Недавно мнѣ представился случай провѣрить

¹⁾ Въ „München. Allgem. Zeit.“ отъ 21 янв. 1903 г. вѣкій д-ръ ф. Паквицъ, въ противоположность описанному, сообщаетъ, что, какъ видно изъ сочиненія Брантома 1589 г., палачъ нанесъ королеву 3 удара. Достать это сочиненіе мнѣ не удалось. Если Брантомъ говоритъ о 3-хъ ударахъ, то онъ видѣлъ, следовательно, 3-й ударъ неправильно, такъ какъ при осмотрѣ трупа королевы оказались слѣды только двухъ ударовъ. Кромѣ того наблюденіемъ Брантома

въ этомъ смыслѣ душевное состояніе, возникающее у каждаго при зрѣлищѣ смертной казни. Палачъ, исполнявшій приговоръ, почему-то счелъ нужнымъ надѣть перчатки; послѣ казни я предложилъ четыремъ лицамъ, присутствовавшимъ при ней, вопросъ относительно цвѣта перчатокъ. Отвѣты были слѣдующіе: чернаго, свѣтло-сѣраго, бѣлаго, а четвертый настаивалъ на томъ, что у палача совсѣмъ не было на рукахъ перчатокъ. Всѣ четверо находились въ непосредственной близости къ палачу, никто не допускалъ съ своей стороны ошибки, отвѣчалъ съ полною увѣренностью, что видѣлъ правильно.—Одинъ мой знакомый, бывший военный, молчаливый и серьезный человѣкъ, всегда спокойно и строго обдумывавшій свои слова, на слѣдующее утро послѣ происшедшей желѣзнодорожной катастрофы, при которой онъ былъ очевидцемъ, показалъ мнѣ, что задавлено было человѣкъ сто, что онъ самъ будто бы видѣлъ, покидая полуразрушенный вагонъ, какъ многочисленныя человѣческія головы, отрѣзанныя колесами отъ туловищъ, катились внизъ по желѣзнодорожной насыпи. На самомъ же дѣлѣ оказался убитымъ только одинъ человѣкъ вслѣдствіе раздавленія груди, пять человѣкъ получили увѣчья; все же остальное оказалось результатомъ возбужденной фантазіи этого, въ общемъ спокойнаго, человѣка.—Во время того же желѣзнодорожнаго несчастія произошелъ другой случай, ярко иллюстрирующій, чтѣ можно видѣть или слышать въ состояніи страха. Какой-то пивоваръ, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, атлетическаго сложения и несомнѣнно не страдавшій нервами, выпрыгнувъ изъ разрушеннаго вагона, побѣжалъ по полю по направленію къ ближайшей деревнѣ, которой достигъ въ четверть часа, причемъ, какъ ему все время казалось, онъ видѣлъ и слышалъ, что паровозъ сошедшаго съ рельсъ поѣзда преслѣдовалъ его по пятамъ, шипя и спуская пары. Вслѣдствіе воображаемой погони человѣкъ этотъ пробѣжалъ до деревни такъ быстро, что получилъ воспаленіе легкихъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя умеръ,—лучшее доказательство того, что его мнимое представленіе для него было весьма дѣйствительнымъ.—Недавно въ газетахъ писалъ, что въ одной изъ норвежскихъ тюремъ извѣстный воръ Гудоръ бѣжалъ изъ-подъ стражи такимъ образомъ, что на одной изъ прогулокъ бросился на надзирателя, послѣдній видѣлъ въ его рукахъ длинный ножъ и бѣжалъ. Гудоръ

вовсе не доказывається, что многочисленные авглійскіе историки, — сообщенія которыхъ существуютъ и до настоящаго времени, не ошиблись въ своихъ наблюденіяхъ надъ казвю.

послѣдоваль его примѣру. Когда же впоследствии удалось его задержать, то при дознаніи обнаружилось, что онъ бросился на надзирателя, имѣя въ рукахъ селедку, которую испуганный надзиратель принялъ за длинный ножъ.

Для насъ, криминалистовъ, представляетъ интересъ то обстоятельство, что при убійствѣ президента Карно никто не видавъ удара кинжаломъ. Убійца Казеріо, вскочивъ на подножку экипажа и отстранивъ руку Карно, вонзилъ ему кинжалъ въ животъ. Въ экипажѣ сидѣли еще три господина: сзади стояли два лакея; кругомъ экипажа ѣхали верхомъ офицеры. Тѣмъ не менѣе никто не видавъ удара! Убійца могъ бы даже убѣжать, если бы не обратилъ на себя вниманія возгласомъ: «да здравствуетъ анархія»,—а также и своимъ бѣгствомъ.

Всякому изъ насъ приходилось, безъ сомнѣнія, наблюдать подобныя примѣры ¹⁾, но я думаю, что значеніе ихъ въ нашей дѣятельности оцѣнивается слишкомъ мало. Во всѣхъ описанныхъ случаяхъ, по обстоятельствамъ дѣла, удавалось раскрывать ошибочность наблюдений. И если нѣсколько лицъ присутствовали при одномъ и томъ же событіи, и только одинъ изъ нихъ сдѣлалъ какое нибудь особенное наблюденіе, то оно будетъ признано подлежащимъ сомнѣнію и провѣркѣ. Но какъ часты случаи, въ которыхъ имѣется только *одинъ* свидѣтель! Этотъ свидѣтель, вслѣдствіе своего возбужденнаго состоянія, можетъ сдѣлать невѣрное наблюденіе, и нѣтъ возможности тогда обнаружить эту неправильность! Какъ часты случаи, когда на такомъ «наблюденіи», которое является безусловно воображаемымъ, основывались самыя тяжкія обвиненія! Мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ того,—я по крайней мѣрѣ ихъ не знаю ²⁾, что такого рода ложныя наблюденія въ уголовныхъ дѣлахъ впоследствии раскрывались. Но что ложныя наблюденія дѣйствительно имѣли мѣсто въ томъ или другомъ случаѣ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Спрашивается, какъ предупредить злополучныя послѣдствія такого рода свидѣтельскихъ показаній? Мы можемъ отвѣтить, что слѣдуетъ всячески добиваться доказательствъ или подтвержденія каждаго показанія, даннаго только однимъ свидѣтелемъ и возбуждающаго хотя бы малѣйшее сомнѣніе. Никогда не слѣдуетъ говорить себѣ: «вѣдь, должно быть, такъ и было»: если же дѣло кажется не совсѣмъ правдоподобнымъ, то

¹⁾ О значеніи страха по уголовнымъ дѣламъ см. цитир. Архивъ, т. XI, стр. 340.

нельзя говорить такъ: «но вѣдь не сталъ бы говорить этого свидѣтель такой-то, заслуживающій полнаго довѣрія». Въ подобныхъ случаяхъ единственный исходъ состоитъ въ томъ, чтобы представлять себѣ все событіе въ общемъ и относительно подробностей такъ, какъ будто этого свидѣтеля и *не* было. Если это представление достигается легко и непринужденно, введеніе же въ него этого одинокаго свидѣтельскаго показанія приводитъ къ сомнѣніямъ и затрудненіямъ, то слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ относительно этого показанія. Осторожность эта рекомендуется болѣе всего въ томъ случаѣ, когда это показаніе является единственной уликой противъ обвиняемаго; и если это показаніе звучитъ неправдоподобно, а свидѣтель въ то время, по какой бы то ни было причинѣ, былъ въ возбужденномъ состояніи, то все слѣдствіе надлежитъ направить къ тому, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ провѣрить правдоподобность этого показанія.

Но такой случай, когда показаніе одинокаго свидѣтеля само по себѣ, по свойству содержанія своего, представляется неправдоподобнымъ, есть легчайшій, такъ какъ показаніе это само побуждаетъ быть осторожнымъ. Гораздо болѣе затруднительны и опасны тѣ случаи, когда свидѣтели неправильно «апперципируютъ» и показываютъ о такихъ обстоятельствахъ, которыя весьма возможны по существу, и такимъ образомъ приводятъ дѣло въ почти критическое положеніе. Разслѣдуешь и работаешь долгое время и никогда или же слишкомъ поздно приходишь къ убѣжденію, что наблюденія свидѣтеля были неправильны. Къ счастью, казусы такого рода бывають только тогда, когда свидѣтель, по какимъ бы то ни было причинамъ, находился именно въ возбужденномъ состояніи духа, въ спокойномъ же состояніи ошибки эти весьма рѣдки. Вотъ почему я совѣтую съ самаго начала относиться скептически ко *всякому* одиночному показанію, неподтвержденному другими данными, и затѣмъ точно выяснять, въ какомъ состояніи духа находился свидѣтель въ моментъ наблюденія. При этомъ слѣдуетъ выяснить всякій возможный поводъ къ «возбужденію», не только мгновенный (во время событія), но и всякій болѣе или менѣе отдаленный.

Въ этомъ отношеніи для меня былъ весьма поучительнымъ одинъ случай, послѣ котораго я сталъ менѣе довѣрчиво относиться къ показаніямъ. Одинъ крестьянскій парень, котораго я зналъ съ дѣтства, какъ человека безусловно правдиваго, въ первый разъ въ жизни посѣтилъ одинъ большой городъ и, вернувшись оттуда, съ

живостью рассказывать мнѣ все, что видѣлъ. Наибольшее впечатлѣніе произвелъ на него звѣринецъ одного странствующаго антрепренера. Онъ рассказывалъ о разныхъ звѣряхъ, описывалъ способы кормленія ихъ, какъ обращался съ ними укротитель звѣрей, и наконецъ рассказалъ, что будто бы при немъ появилась исполнинская размѣровъ змѣя, которая бросилась на льва и готова была его проглотить, но въ этотъ моментъ будто бы на сцену появились многочисленные дикари, вступили въ борьбу съ змѣей и убили ее и льва. Дѣло оказалось, однако, очень просто: эта послѣдняя сцена была изображена на большой картинѣ, вывѣшенной съ наружной стороны цирка, какъ это обыкновенно бываетъ во всѣхъ странствующихъ звѣринцахъ. Мой парень въ этотъ день видѣлъ такъ много новаго и удивительнаго, что изображенное на картинѣ событіе показалось ему весьма возможнымъ и, когда онъ началъ рассказывать о своихъ впечатлѣніяхъ, то картина перешла въ его умѣ въ дѣйствительность, и онъ рассказывалъ ея содержаніе *bona fide*, какъ дѣйствительно случившееся. Какъ часто мы слышимъ нѣчто подобное отъ свидѣтелей въ нашихъ уголовныхъ дѣлахъ, и какъ часто насъ роковымъ образомъ наводили такъ на ложные пути! ¹⁾

Расскажу еще одинъ случай. Довольно интеллигентный зажиточный крестьянинъ однажды рассказалъ мнѣ, какимъ замѣчательнымъ образомъ излѣчилъ его отъ глухоты нашъ судебный врачъ: онъ будто бы посмотрѣлъ ему въ ухо и затѣмъ съ большимъ трудомъ извлекъ изъ него отдѣльныя части довольно большаго чернаго жука: сложивъ эти части, голову, туловище и лапки на листѣ бумаги, врачъ будто бы показалъ ему этого жука, и послѣ этого крестьянинъ излѣчился отъ глухоты. Вскорѣ затѣмъ я разспросилъ врача объ этомъ замѣчательномъ случаѣ излѣченія; оказалось, что врачъ извлекъ изъ уха крестьянина лишь порядочный кусокъ ушной сѣры. Крестьянинъ этотъ, по словамъ врача, въ теченіе болѣзни былъ крайне угнетенъ и затѣмъ во время операціи находился въ безпокойномъ состояніи духа, послѣ же операціи въ высшей степени обрадованъ, такъ что воображеніе его легко объясняется этой быстрой смѣной возбужденныхъ состояній духа. Лишь въ этомъ случаѣ, очевидно, не было, а была исключительно неправильная «апперцепція».

¹⁾ Подобный поучительный случай см. въ цит. Архивѣ т. VI, стр. 34 (ученіе о поглощающемъ дѣйствіи болѣе сильнаго впечатлѣнія).

3) *Неправильныя наблюденія вслѣдствіе поврежденій головы.*

Особую осторожность слѣдуетъ соблюдать при допросахъ свидѣтеля, получившаго тяжкія поврежденія головы. Происшествія такого рода бывають часто и тѣмъ болѣе важны для насъ, что потерпѣвшій въ большинствѣ случаевъ является самымъ главнымъ и даже единственнымъ свидѣтелемъ ¹⁾. Осторожность въ этихъ случаяхъ необходима также и потому, что судебный врачъ никогда не можетъ съ увѣренностью сказать, повліяло ли поврежденіе на умственное состояніе потерпѣвшаго. Дѣло въ томъ, что вопросъ о различныхъ «центрахъ» головного мозга пока еще не нашелъ окончательнаго разрѣшенія.

Въ общемъ можно согласиться съ Форелемъ ²⁾, который говоритъ: «Картины, воспринимаемыя чувствомъ зрѣнія, отражаются на затылочной оболочкѣ большого мозга, картины, передаваемыя чувствомъ слуха,—въ височной области мозга, картины движеній— между теменемъ и областью лба».

Въ литературѣ приводится безчисленное множество примѣровъ о временномъ нарушеніи равновѣсія умственныхъ способностей вслѣдствіе поврежденій головы. Такъ Голландъ въ своей: «*Mental-pathology*» рассказываетъ, что онъ однажды, вслѣдствіе большого переутомленія, забылъ нѣмецкій языкъ. Хирургъ Аберкрумбизъ однажды упалъ съ лошади и повредилъ голову, за отсутствіемъ врача онъ самъ распорядился положеніемъ повязки на рану и дальнѣйшимъ леченіемъ вполне точно и правильно, но при этомъ совершенно забылъ, что у него есть жена и дѣти. Карпентаръ рассказываетъ о ребенкѣ, который вслѣдствіе паденія головой въ теченіе трехъ дней находился въ безсознательномъ состояніи; по выздоровленіи всѣ музыкальныя знанія его исчезли изъ памяти, все же остальное было въ прежнемъ состояніи. Къ этимъ случаямъ я хочу добавить нѣкоторые лично мною наблюденные, частью изъ обыденной жизни, частью изъ уголовной практики, такъ какъ они доказываютъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ показаніямъ свидѣтелей, получившихъ поврежденія въ голову.

¹⁾ О литературѣ этого предмета см. Friedrichs Blätter. f. ger. Med. 1852 г. стр. 241. Ср. также и семь весьма поучительныхъ заключеній экспертовъ, данныхъ по извѣстному дѣлу Цитена (Френкль „D. jetzige Stand d. Recht-falles Ziten“, Висбаденъ. 1902 г.).

Въ первомъ изъ этихъ случаевъ дѣло идетъ о крестьянинѣ, на котораго напали, причинили тяжкія поврежденія и ограбили въ то время, когда онъ шелъ на ярмарку, гдѣ хотѣлъ приобрести себѣ корову. На другой день послѣ этого онъ былъ въ полномъ сознаніи и при допросѣ рассказывалъ о всемъ случившемся съ большою точностью и совершенно согласно съ данными дознанія. Одно только онъ утверждалъ упорно, несмотря на всѣ возраженія, а именно, что у него ограбили купленную корову, а не деньги на покупку ея. Какъ только ему возражали, что онъ былъ ограбленъ на пути къ базару и за день до базара, что его видѣли люди за 15 минутъ до грабежа, которые хорошо замѣтили, что у него не было коровы, то онъ нѣкоторое время задумывался и затѣмъ опять произносилъ стереотипную фразу: «а все таки взяли у меня корову, какая она была и сколько стоила, я не знаю, но у меня была корова». Въ описанномъ случаѣ легко было выяснитъ неправильность показанія потерпѣвшаго, но какія могли бы возникнуть послѣдствія, если бы нельзя было этого доказать, и если бы стали розыскивать недобросовѣстнаго владѣльца этой будто бы похищенной коровы.

Въ одной дракѣ работнику мельника нанесенъ былъ тяжкій ударъ коломъ по головѣ, такъ что онъ долгое время былъ безъ сознанія, при чемъ у него оказались поврежденія черепной кости. При первомъ допросѣ, черезъ два дня послѣ событія, онъ весьма опредѣленно показалъ, что его сбилъ съ ногъ человекъ высокаго роста съ длинной черной бородой. Къ счастью, однако въ этой дракѣ не участвовалъ человекъ, подходившій къ этимъ примѣтамъ; затѣмъ путемъ свидѣтельскихъ показаній оказалось возможнымъ установить, что виновный былъ парень небольшого роста съ бѣлокурыми усами. Если бы не было этихъ свидѣтелей, и если бы дѣйствительно въ дракѣ участвовалъ человекъ съ указанными потерпѣвшимъ примѣтами, то имѣлось бы полное основаніе подвергнуть его задержанію, — столь ясно и опредѣленно давалъ потерпѣвшій свое показаніе. Скажемъ между прочимъ, что у него не было никакого повода скрывать или щадить настоящаго виновнаго. По выздоровленіи, при новомъ допросѣ онъ указалъ, какъ на виновнаго, именно на того, на котораго показывали и свидѣтели; при дальнѣйшихъ же разспросахъ онъ рассказалъ, что, когда онъ лежалъ въ постели въ полубезсознательномъ состояніи, то ему постоянно казалось, что какой-то высокій мужчина съ черной бородой пытался стащить его съ кровати. А эти примѣты какъ разъ подходили къ виѣшности врача, который ему оказывалъ первую помощь.

Во многихъ отношеніяхъ поучительный для насъ случай приключился съ однимъ изъ моихъ товарищей, человѣкомъ безусловно заслуживающимъ довѣрія. Этотъ послѣдній, фонъ С., какъ-то разъ шелъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, по гористой мѣстности; переходя горы, онъ сорвался со скалы и получилъ переломъ ноги въ нѣсколькихъ мѣстахъ и весьма тяжкія поврежденія черепной кости. Онъ впалъ въ безсознательное состояніе и оставался въ этомъ состояніи цѣлую недѣлю. Когда онъ очнулся, то, къ общему удивленію, ровно ничего не помнилъ о своемъ паденіи и о томъ, что было съ нимъ въ теченіе послѣднихъ полутора часовъ до паденія ¹⁾. Всѣ мельчайшія подробности выхода изъ дома, разговоры въ пути съ товарищами и т. д. — все онъ помнилъ до момента, когда показывалъ спутникамъ какое-то дерево, напомнившее ему одно изъ давнихъ приключеній по охотѣ. Все же, что было послѣ этого момента, между прочимъ разговоръ о небезынтересныхъ для него вещахъ — исчезло изъ его памяти навсегда, между прочимъ и то, какъ они всѣ закусывали на вершинѣ горы, пили ключевую воду, какъ они сговорились о предстоявшей охотѣ и какъ товарищи предостерегали его о грозившей ему опасности. Обо всемъ этомъ ф. С. ничего не помнилъ, паденіе какъ будто вымело изъ его памяти всѣ событія, имѣвшія мѣсто въ теченіе полутора часовъ до этого несчастія.

Допустимъ теперь, что подобное состояніе случилось съ обвиняемымъ, который, при совершеніи преступленія, получилъ тяжкія поврежденія и заявилъ, что онъ ничего не помнитъ о происшедшемъ за полтора часа до причиненія ему поврежденій. Кто бы ему повѣрилъ? А если бы то же случилось съ свидѣтелемъ, развѣ повѣрили бы его словамъ? Нѣтъ, его стануть мучить разпросами. пока, наконецъ, онъ не покажетъ чего-нибудь такого, что, смотря по обстоятельствамъ дѣла, могло бы случиться, но чего въ дѣйствительности онъ не помнитъ и не знаетъ.

¹⁾ О т. наз. ретроградной амнези (терминъ, изобрѣтенный Рибо) см. Эстерлена, въ Суд. Медицинѣ Машко. Ср. Нигіусъ „Кровоизліяніе въ мозгу и судебное значеніе его“ *Fritzeichs Blätter*. 1851 г. II. Судебная Медицина Гоффмана 9-е изд. стр. 739 и 1041. Явленія этой „ретроградной амнези“ наблюдаются также и при отравленіи углекислородомъ (хотя бы и о давнслучившемся). Ср. Брианъ, Азамъ, Бартелеми и Фабло (*Annales d'hygiene*, 27, стр. 92). Затѣмъ то же явленіе наблюдается у лицъ, спасенныхъ отъ удавленія, или оправившихся отъ асфикси, — между прочимъ также и послѣ отравленія извѣстными грибами. Въ большинствѣ же случаевъ явленія эти наблюдаются у лицъ, испытавшихъ удары молніи.

Въ вышеописанномъ случаѣ съ ф. С. было еще одно замѣчательное обстоятельство, а именно: находясь въ безсознательномъ состояніи, онъ произнесъ одну фразу совершенно разумно. Еще выходя изъ дома, онъ получилъ отъ своей матери какое-то порученіе къ дядѣ, и вотъ, когда его въ безсознательномъ состояніи привезли въ домъ послѣдняго, и дядя вслѣдствіе испуга громко назвалъ его по имени, то онъ въ точности и ясно произнесъ все порученное ему матерью и затѣмъ опять впалъ въ прежнее безсознательное состояніе.

Предположимъ опять, что дѣло идетъ о преступленіи. Съ одной стороны никто бы не повѣрилъ такимъ словамъ лица, находящагося въ безсознательномъ состояніи, и это его сообщеніе, какъ продуктъ фантазіи, было бы оставлено безъ вниманія. Если же мы имѣли бы дѣло съ обвиняемымъ, то, безъ всякаго колебанія, признали бы безсознательное состояніе его симуляціей, такъ какъ онъ въ теченіе нѣкотораго промежутка времени производилъ впечатлѣніе чловѣка нормальнаго.

Этотъ примѣръ учитъ насъ тому, что въ подобныхъ дѣлахъ могутъ происходить невѣроятныя вещи, что ни одно обстоятельство поэтому не должно быть допущено само по себѣ, но лишь въ связи со всѣми, и что кромѣ того, каждое обстоятельство, прежде чѣмъ положить его въ основу дальнѣйшихъ дѣйствій, должно быть тщательнымъ образомъ провѣрено.

Приведу еще замѣчательный случай. Пользовавшійся общимъ уваженіемъ чиновникъ Ц. ѣхалъ домой, возвращаясь изъ служебной поѣздки; лошади испугались и понесли, Ц. вывалился изъ экипажа, сильно при этомъ ударился головой о землю и въ безсознательномъ состояніи остался на дорогѣ. Очнувшись черезъ полчаса, онъ всталъ и пошелъ на расположенную вблизи дачу знакомой ему семьи, безъ всякаго доклада прошелъ въ столовую и сѣлъ на диванъ. Часъ спустя, подъ вечеръ, засталъ его въ такомъ положеніи хозяинъ дома. Ц. говорилъ съ нимъ совершенно разумно и толково, но въ теченіе разговора, къ удивленію хозяина, выразилъ мысль, что онъ, Ц., уже съ утра въ его домѣ и даже обѣдалъ у него. Когда же были замѣчены поврежденія на его головѣ, то онъ сталъ упорно отрицать паденіе изъ пролетки и настаивалъ на томъ, что онъ съ утра находится въ домѣ. Только ночью появилась лихорадка, бредъ, и наступило продолжительное безсознательное состояніе. Если мы опять предположимъ въ данномъ случаѣ наличность преступленія, то, будь Ц. обвиняемымъ, никто бы не повѣрилъ его

объясненію о томъ, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ попалъ въ чужой домъ, въ особенности, если бы это былъ какой-нибудь извѣстный воръ. Если же Ц., положимъ, былъ бы потерпѣвшимъ, то онъ такъ бы ничего и не зналъ о томъ, что съ нимъ случилось, и своимъ показаніемъ ввелъ бы С. С. въ заблужденіе.

И такіе случаи вовсе нерѣдки. На одного инженера, проходившаго вмѣстѣ съ знакомымъ старикомъ по улицѣ мимо питейнаго заведенія, внезапно бросился изъ дверей послѣдняго какой-то солдатъ. Въ заведеніи какъ разъ въ это время происходила драка между пьяными солдатами и посторонними лицами, нѣсколько солдатъ были вытолкнуты вонъ, и одинъ изъ нихъ пашкой нанесъ совершенно невинному инженеру ударъ по головѣ, такъ что тотъ упалъ на землю. Такъ какъ драка продолжалась, то спутникъ инженера побѣжалъ въ ближайшую деревню за людьми. Возвращаясь къ мѣсту драки, они встрѣтили идущаго инженера, который не имѣлъ никакого представленія о всемъ случившемся и только выражалъ удивленіе о томъ, куда дѣвался его спутникъ. О нападеніи же и ударѣ по головѣ онъ ничего и знать не хотѣлъ, между тѣмъ, по освидѣтельствованіи его чрезъ судебного врача, рана на его головѣ оказалась настолько глубокой, что зондъ проникалъ до мозга.

Одинъ случай, происшедшій въ началѣ 1893 г., поучительный для насъ во многихъ отношеніяхъ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе. 28 марта 1893 г. въ домѣ учителя Бруннера въ Диткирхенѣ, въ Нижней Баваріи, было совершено убійство съ цѣлью грабежа. Двое дѣтей учителя оказались убитыми посредствомъ кирки, жена его и горничная найдены были въ безсознательномъ состояніи съ опасными для жизни поврежденіями, причиненными тѣмъ же орудіемъ. Учитель Бруннеръ при первомъ допросѣ давалъ показаніе въ состояніи крайняго замѣшательства и настолько сбивчиво, что подозрѣніе упало на него. Оно не было опровергнуто и показаніемъ пришедшей въ сознаніе жены его, которая объяснила, что проснувшись послѣ глубокаго сна, она вдругъ почувствовала, что лежитъ смоченная, и увидавъ, что она—вся въ крови, снова лишилась чувствъ. Болѣе ничего она сообщить не могла и оказалась рѣшительно не въ состояніи припомнить, когда, какимъ образомъ и гдѣ были нанесены ей тяжелыя раны (всѣ на головѣ); по словамъ ея, даже о томъ, что она ранена, она узнала только отъ третьихъ лицъ. Когда ей предложили подписать протоколъ ея показанія, то она вмѣсто своего имени (Марта Бруннеръ) подпи-

салась, не думая долго: «Марта Гуттенбергеръ» С. С. освѣдомился у присутствовавшихъ лицъ, не урожденная ли Гуттенбергеръ — г-жа Бруннеръ, на что получилъ отрицательный отвѣтъ. При дальнѣйшихъ же разспросахъ выяснилось, что это была фамилія бывшаго любовника служащей у Бруннера горничной, которому, въ виду его дурной репутаціи, было запрещено Бруннеромъ ходить въ его домъ. С. С., воспользовавшись этими свѣдѣніями, сдѣлалъ распоряженіе о розыскѣ Гуттенбергера: онъ былъ задержанъ въ Мюнхенѣ и немедленно сознался въ совершенномъ имъ преступленіи.

Изъ этого слѣдуетъ, что г-жа Бруннеръ (какъ это впоследствии и подтвердила она сама) въ то время, когда ей наносились удары, узнала преступника въ лицо, но вслѣдствіе тяжелыхъ поврежденій головы утратила представленіе о случившемся, хотя и не вполне. Представленіе о виновности Гуттенбергера перешло въ отдаленную сферу сознанія, такъ что ей смутно казалось, что это имя имѣетъ какое-то значеніе. Находясь въ состояніи «сумерекъ сознанія», она сочла достаточнымъ выразить значеніе этого имени, поставивъ его замѣнъ своего.

Въ этомъ можно видѣть новое доказательство того, что существуютъ по крайней мѣрѣ двѣ сферы сознанія, согласно теоріи Макса Дессуара (*Dessoir*): первое, или верхнее сознаніе и второе, или нижнее сознаніе; въ этомъ послѣднемъ сознаніи всегда или по преимуществу отражаются событія, дошедшія до насъ только частью или въ измѣненномъ видѣ. Ихъ называютъ также смутными воспріятіями ¹⁾.

Поврежденія головы еще и въ другомъ отношеніи требуютъ особеннаго вниманія, а именно, когда они имѣются у преступниковъ, хотя бы послѣдніе и излечились давно отъ таковыхъ поврежденій. Зандеръ и Рихтеръ справедливо замѣчаютъ, что и понынѣ судебные врачи не обращаютъ должнаго вниманія на поврежденія головы, и дѣйствительно Дельбрюкъ изъ 58 умалишенныхъ арестантовъ нашелъ 21 съ слѣдами поврежденій головы, а Кнехтъ изъ 214 освидѣтельствованныхъ имъ преступниковъ нашелъ 73 человекъ, у которыхъ были обнаружены поврежденія головы. Сюда относится также и наблюденіе Шлягера ²⁾.

Въ «*Friedreichs Blättern*» 1855 г. (стр. 76) былъ рассказанъ одинъ случай, напоминающій каждому изъ насъ о необходимости

¹⁾ Ср. Гессена. „Versuch e. wiss. Begründung d. Psychologie“.

²⁾ Zeitschrift d. Gesellschaft d. Ärzte in Wien XIII, 1857.

крайней осторожности въ нашемъ дѣлѣ. Въ этомъ году былъ казненъ одинъ осужденный, у котораго по вскрытіи оказались существенныя поврежденія черепной кости. На одной половинѣ черепа, которая была на треть меньше другой, были найдены лучеобразныя рубцы, которые были ничто иное, какъ зарубцевавшіяся трещины черепа, происшедшія вслѣдствіе удара копытами лошади; подсудимому въ то время было всего 14 лѣтъ, и швы черепа успѣли хорошо сростись. О подобномъ случаѣ пишетъ и Гаульке¹³⁾ а именно: вскрытіе одного умершаго въ тюрьмѣ преступника, осужденнаго за удушеніе жены, обнаружило, что вся правая половина большого мозга совершенно отсутствовала и вмѣсто нея была водянистообразная масса; это патологическое явленіе также оказалось послѣдствіемъ паденія головой. Указанія на такіе же случаи можно найти въ сочиненіи д-ра Павла Гудера («*Die Geistesstörungen nach Kopfverletzungen*» Jena 1886 г.).

Всѣ подобныя случаи налагаютъ на С. С. безусловную обязанность всякій разъ произвести освидѣтельствованіе, если ему становится извѣстнымъ, что обвиняемый когда-либо получилъ тяжкія поврежденія головы. Объ этомъ между прочимъ можно узнать, если при допросѣ обращать вниманіе на всѣ рубцы на головѣ, на асиметрію частей головы и т. п. Важнымъ представляется и то соображеніе, что воспріятія и воспоминанія могутъ быть весьма затуманены, если къ поврежденіямъ головы присоединить еще и состояніе опьяненія (драки въ трактирахъ, паденія въ состояніи опьяненія и т. д.).

γ) *Неправильныя наблюденія вслѣдствіе различія въ природѣ и культурѣ наблюдающихъ.*

Наибольшую трудность для С. С., при допросѣ свидѣтелей, представляетъ оцѣнка ихъ показаній. Тотъ, кто дѣлаетъ оцѣнку, руководствуясь исключительно тѣмъ, насколько достоинъ довѣрія свидѣтель, и довѣріе это основываетъ только на официальныхъ справкахъ мѣстныхъ органовъ власти, тотъ, конечно, будетъ только заполнять бланки, но не будетъ производить предварительнаго слѣдствія. Только тотъ ведетъ слѣдствіе, который стремится къ уразумѣнію, насколько различно было воспріято свидѣтелями одно и то же событіе, и пытается выяснитъ, въ чемъ заключается это различіе въ воспріятіяхъ, и какимъ именно общественнымъ группамъ

присущи тѣ или другія особенности въ воспріятіи. Матеріаль для такой работы огромный въ каждомъ слѣдствіи, при каждомъ допросѣ, оцѣнка же этого матеріала *должна* неизбѣжно привести къ обобщеніямъ положительнаго характера. Къ счастью, въ наше время къ этимъ вопросамъ пробудился живой интересъ, и можно надѣяться, что сдѣланныя наблюденія получатъ вскорѣ научную обработку.

Самое важное въ этомъ отношеніи, какъ уже сказано, установить, *въ чемъ* тѣ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли намѣреніе показать чистую правду, показали различно, хотя, если бы они наблюдали какъ слѣдуетъ, должны бы были показать одно и то же. Разъ это установлено, то требуется выяснить, *почему* эти свидѣтели показали различно. Для этого С. лучше всего начать съ самаго себя, не вслѣдствіе ли его неловкихъ, не соответствовавшихъ случаю пріемовъ это произошло. Пусть онъ прежде всего взвѣситъ, не требовалъ ли онъ отъ свидѣтелей болѣе того, чѣмъ они могли дать. Вѣдь вполне согласно съ природою челоуѣка наблюдать вещи безъ особеннаго каждый разъ вниманія, а разъ что-либо осталось незамѣченнымъ, то никакіе, стократъ предложенные вопросы, этому не помогутъ. Къ тому же надо еще помнить, что въ то время, когда свидѣтель что либо наблюдалъ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду, что видѣнныя имъ обстоятельства впослѣдствіи получатъ такое важное значеніе, а С. С., который, имѣя въ рукахъ дѣло, превосходно оцѣниваетъ все значеніе этихъ обстоятельствъ, часто даже не можетъ встать на ту точку зрѣнія, съ какой свидѣтель наблюдать эти обстоятельства, въ то время для него ровно никакого значенія не имѣвшія. Напр., свидѣтель видѣлъ кого-то, выходявшаго изъ извѣстнаго дома, и посмотрѣлъ на него, какъ онъ смотритъ на всякаго встрѣчнаго, мелькомъ; если же впослѣдствіи окажется, что этотъ незнакомецъ въ тотъ день и въ томъ домѣ совершилъ тяжкое преступленіе, то къ несчастному свидѣтелю пристають самымъ инквизиторскимъ образомъ, чуть не силой добиваются отъ него того, чего онъ не знаетъ: «вѣдь вы же видѣли?» «вѣдь вы же должны знать по крайней мѣрѣ то?..»—Въ лучшемъ случаѣ допросъ оканчивается тѣмъ, что С. С. придетъ къ убѣжденію, что свидѣтель дѣйствительно этого не знаетъ, въ худшемъ же случаѣ, наконецъ, вынудить у него что-либо ложное. Если же было нѣсколько свидѣтелей, которые видѣли одно и то же, но показали различно, то это могло произойти по двумъ причинамъ: или они допрашивались неодинаково равномерно, или же допросъ не былъ поставленъ такъ, какъ слѣдуетъ.

Въ первомъ случаѣ обыкновенно бываетъ такъ, что къ одному свидѣтелю С. отнесся покойно, выслушалъ терпѣливо его показаніе о томъ, что онъ слишкомъ мало по дѣлу знаетъ, такъ какъ утѣшалъ себя надеждой, что послѣдующіе свидѣтели покажутъ болѣе. Но чѣмъ далѣе идетъ допросъ, тѣмъ болѣе теряется надежда услышать болѣе подробныя свѣдѣнія, тѣмъ нетерпѣливѣе и придирчивѣе становится С., тѣмъ болѣе прибавляютъ свидѣтели къ показаніямъ, и тѣмъ чаще уклоняются отъ правды. Если сравнить всѣ записанныя показанія, то ни одно наблюденіе, конечно, не будетъ сходно съ другими, но это потому, что каждый свидѣтель допрашивался С. въ различныхъ состояніяхъ духа. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ неправильными наблюденіями свидѣтелей, а съ неправильнымъ веденіемъ допроса С—емъ.

Мы не желаемъ этимъ сказать, что С. С. долженъ вести допросъ вяло и равнодушно, такъ какъ многіе свидѣтели, особенно крестьяне, сначала всегда заявляютъ, что «ничего не знаютъ», и всѣ свѣдѣнія приходится пріобрѣтать отъ нихъ съ немалымъ трудомъ. Допрашивать заботливо и внимательно или же назойливо «выжимать» показанія, между этими двумя способами—большая разниця.

Если же свидѣтели допрашивались съ одинаковымъ вниманіемъ, и тѣмъ не менѣе показанія получились разнорѣчивыя, то причина этого лежитъ уже въ самихъ свидѣтеляхъ. Не всегда впрочемъ она заключается въ различіи способностей къ воспріятію (что составляетъ содержаніе этого параграфа), иногда она возникаетъ и въ камерѣ С. С. Это послѣднее явленіе представляется столь же любопытнымъ въ смыслѣ изученія свидѣтелей съ психологической точки зрѣнія.

Часто свидѣтель почему нибудь воображаетъ, что онъ будетъ по дѣлу привлеченъ къ отвѣтственности либо вслѣдствіе опасенія, что на него заявлено подозрѣніе, либо вслѣдствіе того, что онъ считаетъ за собой кое-какія упущенія, благодаря которымъ облегчалось совершеніе преступленія, либо потому, что боится могущаго упасть на него обвиненія въ какомъ либо уговорѣ съ обвиняемымъ и т. д. Во всѣхъ этихъ и тысячъ другихъ случаевъ, при всемъ желаніи показать правду, свидѣтели будутъ говорить такъ, какъ считаютъ цѣлесообразнымъ, смотря по тому, чего они опасаются. Они будутъ иначе освѣщать дѣло, иначе располагать обстоятельства, кое о чемъ умолчать, и если С. С. съумѣетъ подмѣтить, какъ такіе свидѣтели показываютъ, то въ умѣ его создается

представленіе о цѣлой группѣ лицъ, которыя всегда даютъ показанія неточныя, а именно: онъ сюда отнесетъ робкихъ, неувѣренныхъ и всегда чувствующихъ за собой вину.—Затѣмъ С. С. самъ можетъ впасть въ серьезное заблужденіе, если онъ, имѣя отъ природы склонность къ фантазіи, ведетъ бесѣду съ свидѣтелемъ, отличающимся такою же склонностью и кое-что знающимъ по дѣлу. Въ этомъ случаѣ часто бываетъ, что С. С., составляя различныя комбинаціи, сообщаетъ ихъ свидѣтелю, который со своей стороны дополняетъ ихъ, охотно пускаясь, по своимъ индивидуальнымъ качествамъ, въ такія же комбинаціи. С. С. пользуется этими послѣдними для новыхъ предположеній, и вотъ они другъ другу помогаютъ строить воздушныя замки, такъ что въ концѣ концовъ С. С. уже не знаетъ, что же именно свидѣтель сообщилъ ему, какъ видѣнное.—Точно также и свидѣтель не знаетъ, что ему было извѣстно до допроса, и какіе выводы принадлежатъ ему лично и какіе онъ сдѣлалъ сообща съ С. С. Въ результатѣ получается такой протоколъ показанія, въ которомъ кое-что является исключительно продуктомъ фантазіи С. и кое-что свидѣтеля.

Пусть не думаютъ, что честный свидѣтель всегда останется въ предѣлахъ истины. Почти не вѣрится, что въ состояніи наговорить въ порывѣ фантазіи люди легко возбуждающіеся, хотя бы съ самыми благими намѣреніями. Не слѣдуетъ забывать, что въ такихъ случаяхъ оба, и С. С. и свидѣтель, каждый взаимно опирается на авторитетъ другого,—С. на авторитетъ очевидца, который, какъ предполагается, долженъ знать дѣло, а свидѣтель—на авторитетъ С. С., который долженъ знать законы. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ въ авторитетѣ другого находитъ желанную опору для свободного полета своей фантазіи. Пусть кто-нибудь попробуетъ, ради поученія, обратить вниманіе, какъ нетрудно заставить легко возбуждающихся людей разказать о событіяхъ, которыхъ они никогда не видали или о которыхъ не слышали,—впрочемъ, безъ всякаго внушенія или подсказа съ своей стороны: при самомъ искреннемъ намѣреніи строго держаться правды, они при первомъ случаѣ увлекаются въ ту или другую сторону и въ концѣ концовъ сами не знаютъ, что—факты и что—плоды ихъ воображенія. Въ обращеніи съ такими людьми С. С. долженъ быть осторожнымъ и даже нѣсколько сухимъ, особенно когда замѣчаетъ и въ себѣ склонность къ увлеченіямъ.

Совершенно обратно С. С. долженъ вести себя въ отношеніи къ людямъ равнодушнымъ и молчаливымъ, которые стараются гово-

рять какъ можно менѣе и любить, о чемъ можно, умолчать, относиться къ дѣлу безразлично и ограничиваются въ показаніи самымъ необходимымъ. Я далекъ отъ того, чтобы совѣтовать въ этомъ случаѣ всячески приставать къ свидѣтелю, пока не добьешься отъ него, что нужно; мое мнѣніе таково, что въ этомъ случаѣ единственный путь къ цѣли—увлечь свидѣтеля съ собой, раскрыть передъ нимъ свои стремленія, свой собственный интересъ, выяснитъ ему, что добыто слѣдствіемъ, какое значеніе имѣютъ достигнутые результаты, и какъ важна поэтому полнота и правдивость его показанія. Мало по малу въ немъ пробудится нѣкоторое участіе, свидѣтель начнетъ понимать С. С. и его цѣли и найдетъ не бесполезнымъ пораздумать о видѣнномъ, припомнить и сообщить С. свои воспоминанія. Такимъ путемъ отъ совершенно безучастнаго свидѣтеля С. С. можетъ добыться важнѣйшихъ показаній.

Итакъ, прежде всего слѣдуетъ уяснить себѣ, какую личность имѣешь передъ собой, каковы его природныя свойства и какъ соответственно этимъ свойствамъ съ нимъ обращаться. Но не только природныя свойства слѣдуетъ принимать во вниманіе, но и личныя мнѣнія свидѣтеля, общее направленіе мыслей, положеніе въ обществѣ и т. д. Есть не мало людей, которые, отнюдь не имѣя намѣренія говорить ложь, при дачѣ показаній руководствуются разнообразнѣйшими соображеніями: религіозными, политическими, социальными, иногда чисто семейными, сословными и даже просто кружковыми. Такой свидѣтель одного не хочетъ видѣть и слышать, на другое смотреть не такъ, какъ всѣ, и такимъ образомъ изъ свидѣтеля обвиненія онъ можетъ превратиться зъ свидѣтеля оправданія, и наоборотъ.

Безъ сомнѣнія, каждому изъ насъ приходилось въ случаѣ совершенно неожиданныхъ показаній свидѣтеля освѣдомляться о разныхъ личныхъ отношеніяхъ его къ дѣлу или къ заподозрѣнному, и тогда показаніе его получало совершенно иное освѣщеніе.

Отнюдь не безразличны въ этомъ отношеніи возрастъ и полъ свидѣтеля, хотя, конечно, нельзя утверждать съ полною достовѣрностью, въ какомъ возрастѣ свидѣтель болѣе надеженъ и въ какомъ менѣе; точно также отражаются на показаніи и всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ складывается личность человѣка, его природныя свойства и степень культурнаго развитія. Со временемъ, конечно, и относительно ихъ можно будетъ установить извѣстныя нормы.

Дѣти въ возрастѣ не свыше 7—9 лѣтъ—въ извѣстномъ отношеніи самые правдивые свидѣтели. Любовь и ненависть, честолюбіе

и коварство, вѣроисповѣданіе и сословіе, положеніе въ обществѣ и богатство—все это еще чуждо столь юному возрасту. Равно и не встрѣчаются у нихъ неправильныя наблюденія вслѣдствіе предубѣжденности, нервной раздражительности и горькаго опыта: зеркало дѣтской души ясно и вѣрно отражаетъ въ себѣ всѣ мимоидущія событія. Не слѣдуетъ при этомъ, конечно, упускать изъ виду и слабыя стороны свидѣтельскихъ показаній дѣтей. Самый главный недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что мы никогда не можемъ смотрѣть на дѣло съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ дитя, и, когда ребенокъ употребляетъ тѣ же слова, какія и мы, то оно даетъ имъ иной смыслъ. Даже въ области воспріятій впечатлѣнія о предметахъ у дѣтей складываются иныя, чѣмъ у взрослыхъ: такія понятія, какъ большой и малый, быстрый и медленный, красивый и безобразный, далекій и близкій,—у дѣтей совершенно иныя, чѣмъ у насъ. Тѣмъ болѣе представленія о событіяхъ: событіе, для насъ совершенно безразличное, кажется имъ превосходнымъ или страшнымъ, и наоборотъ, они равнодушны къ тому, что для насъ прекрасно, или печально. Мы даже и не знаемъ, какое впечатлѣніе произинѣ то или другое производитъ на нихъ.

Другое недостатокъ дѣтскихъ показаній заключается въ томъ, что кругозоръ дѣтей гораздо уже, чѣмъ нашъ, такъ что значительная часть наблюдаемаго нами совершенно не входитъ въ кругъ доступныхъ дѣтямъ впечатлѣній. Насколько же обширенъ этотъ кругъ, мы знаемъ лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: мы не будемъ спрашивать у ребенка, какимъ образомъ совершилось сложное мошенничество, или какъ сложились отношенія прелюбодѣянія, потому что мы несомнѣнно знаемъ, что ребенокъ ни того, ни другого не понимаетъ. Но во многихъ другихъ отношеніяхъ мы не знаемъ, гдѣ оканчиваются границы дѣтскаго разумѣнія и наблюдательности. Мы часто находимъ совершенно необъяснимымъ, что дитя не можетъ понимать того или другого факта, и въ то же время часто поражаемся тѣмъ, что дитя ясно ориентировалось въ такомъ событіи, которое мы считали недоступнымъ его пониманію. Въ общемъ, однако, ошибаются болѣе тѣ, которые приписываютъ дѣтямъ слишкомъ *малую* долю наблюдательности. Я рѣдко встрѣчалъ, чтобы надѣялись много на дѣтскую наблюдательность, но за то часто имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что дитя знало и замѣчало гораздо болѣе, чѣмъ думали.

Дѣйствительно, и среди повседневной жизни какъ часто разговариваютъ при ребенкѣ о вещахъ, ему будто бы непонятныхъ,

и впоследствии замѣчаютъ, что онъ не только все прекрасно понять, но даже умѣлъ скомбинировать съ другимъ, замѣченнымъ имъ ранѣе или позднѣе. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что дитя въ высшей степени легко подпадаетъ подъ постороннее вліяніе, причемъ, умышленное ли оно или нѣтъ, безразлично. Если кому нибудь извѣстно, что дитя будетъ допрашиваться на судѣ, и показаніе дитяти имѣетъ для него значеніе, и въ то же время онъ имѣетъ возможность повліять на дитя, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ этимъ пользуется. У ребенка нѣтъ никакихъ принциповъ, но за то много вѣры въ слова взрослого, и если послѣдній не будетъ спѣшить съ своимъ воздѣйствіемъ на ребенка послѣ видѣннаго имъ, то дитя легко приметъ за факты то, что говоритъ ему взрослый. Успѣшность такого внушенія несомнѣнна въ томъ случаѣ, если взрослый будетъ осторожно и постепенно вліять на дитя и будетъ направлять его отвѣты такого рода вопросами: «не было ли дѣло такъ? не правда ли, оно было такъ?» Совершенно то же наблюдается, если воздѣйствіе на ребенка производится неумышленно. Если какое нибудь крупное событіе составляетъ тему частыхъ разговоровъ, дѣлаются различныя заключенія и обсуждается то, что другіе видѣли или при извѣстныхъ условіяхъ могли бы видѣть, то дитя, которое прислушивается къ этому и которое само кое-что видѣло по дѣлу, болѣе и болѣе проникается этими разговорами и въ концѣ само убѣждается въ томъ, будто и оно видѣло то же, что видѣли и другіе ¹⁾).

Поэтому при допросѣ дѣтей всегда слѣдуетъ быть насторожѣ, но въ общемъ дѣтскія показанія, если только допросъ ведется съ надлежащимъ умѣніемъ, представляютъ нерѣдко богатый матеріалъ.

Переходя отъ дѣтскаго возраста къ слѣдующему поколѣнію, мы должны говорить о каждомъ полѣ отдѣльно. Насколько различаются мальчики и дѣвочки въ физическомъ отношеніи, настолько же различны способности ихъ къ воспріятіямъ. Смѣтливый мальчикъ, безъ сомнѣнія, самый лучший наблюдатель изъ всѣхъ другихъ возрастовъ; въ эту пору въ душу мальчика стремительно врывается жизнь во всѣхъ своихъ безчисленныхъ и любопытныхъ явленіяхъ, и то, что даетъ ему школа и будничная обстановка, отнюдь не заполняетъ его юнаго пылкаго сердца. Все, что происходитъ новаго, замѣчательнаго, рѣдкаго, онъ ловитъ съ жадностью и съ на-

¹⁾ Ср. хорошую статью Эрнста Гистрова „Ueber die Suggestibilität des Kindes“, прилож. „Allgem. Ztg.“ 1901 г., вып. 37, V. Литературу—въ моей „психологии“.

пряженными чувствами стремится воспринять настолько хорошо и глубоко, насколько это ему удастся. Пусть никто въ домъ не замѣчаетъ никакой перемѣны, пусть никто не видитъ птичьяго гнѣзда во время прогулки, пусть никто среди цвѣтушей природы не подмѣтитъ чего-нибудь особеннаго,—подростку все это бросится въ глаза, и все, что выходитъ изъ обычной колеи монотонной жизни, все это даетъ пищу его пылливому уму, обогащаетъ его познаніи и даетъ ему возможность обратить на себя вниманіе взрослыхъ. Вниманіе мальчика пока еще не отвлечено борьбой за существованіе, суетой жизни и ея интригами, свободно и безпрепятственно онъ можетъ увлекаться тѣмъ, что возбуждаетъ его вниманіе, его взоръ еще ничѣмъ не омраченъ и зрѣніе не притуплено, и такимъ образомъ онъ наблюдаетъ часто гораздо точнѣе, лучше, проникательнѣе, тѣмъ мы взрослые. При этомъ онъ уже руководствуется кое-какими принципами, ложь чужда ему вслѣдствіе его идеализма, при томъ онъ немного упрямъ и неохотно упускаетъ случай блеснуть правильностью своихъ наблюдений, въ большинствѣ случаевъ онъ мало доступенъ чужому вліянію и излагаетъ дѣло такъ, какъ оно дѣйствительно было. Я повторяю: смѣтливый благонравный мальчикъ самый лучший свидѣтель.

Этого нельзя сказать о дѣвочкѣ того же возраста. Уже самая природа и воспитаніе препятствуютъ тому, чтобы она могла приобрести тѣ необходимыя знанія и тотъ свободный взглядъ (присущій смѣлому подростающему юношѣ), которые необходимы для правильныхъ наблюдений. Дѣвочка болѣе или менѣе замыкается въ тѣсномъ кругу своей матери, между тѣмъ какъ мальчикъ выбивается наружу и вмѣстѣ со своими товарищами въ полѣ, въ лѣсу, вездѣ можетъ видѣть все, что даетъ дѣйствительная жизнь. Только запасшись этими познаніями, и можно подмѣтить все изъ ряду вонъ выходящее, необычайное. Наединѣ, вмѣстѣ съ отцемъ или ровесниками, подростающій юноша знакомится со множествомъ практическихъ свѣдѣній, изъ которыхъ и слагается знаніе будничной жизни. Всего этого не имѣетъ дѣвушка: она выходитъ изъ дому гораздо рѣже, не видитъ ремесленниковъ, рабочихъ и другихъ людей будничнаго труда, которые сообщаютъ любознательному юношѣ новыя для него свѣдѣнія, она, конечно, не видитъ и дѣйствительной ихъ жизни и, если случается что-нибудь особенное, то она уже не въ состояніи воспринимать правильно своими чувствами. А если это происшествіе сопряжено съ нѣкоторой опасностью, шумомъ, тревогой, привлекающими юношу и возбуждающими его напряженное вниманіе, то

дѣвушка боязливо удаляется и видитъ событіе только неясно, издали, или же совсѣмъ его не видитъ.

Въ извѣстномъ отношеніи подростоющая дѣвушка даже опасная свидѣтельница, а именно, когда ей самой пришлось участвовать въ дѣлѣ или даже быть главнымъ лицомъ. Въ такихъ случаяхъ никогда дѣло не обходится безъ преувеличеній или даже положительныхъ вымысловъ. Даровитость, душевный подъемъ, мечтательность, романтичность и склонность къ грезамъ,—вотъ тѣ ступени, по которымъ дѣвушка, еще слишкомъ молодая для романическихъ приключеній, уже доходитъ до нѣкоторой «міровой скорби»; а скорбь эта граничитъ съ чувствомъ скуки, которая жадно ищетъ всякихъ перемѣнъ. И вотъ прекраснымъ средствомъ разсѣянія является какой-нибудь уголовный случай, въ которомъ юному существу уже принадлежитъ нѣкоторая роль ¹⁾. Если вообще интересно быть вызванной въ судъ, дать какое-либо показаніе и этимъ повліять на судьбу другого лица,—то какъ необыкновенно занимательно, если рѣчь идетъ о чемъ-то важномъ, когда особенное вниманіе обращается на свидѣльницу, когда весь судъ и публика ловятъ ея каждое слово, когда всѣмъ обсуждаются послѣдствія ея показанія. При этомъ мелкая кража въ ея устахъ легко превращается въ грабежъ, заурядный оборванецъ кажется ей интереснымъ блѣднымъ молодымъ человѣкомъ, какое-нибудь дерзкое слово изображается какъ нечаянное нападеніе, совершенно безразличное событіе превращается въ какое-нибудь романическое похищеніе, какая-нибудь глупая болтовня—въ важный заговоръ. Однимъ словомъ, дѣвушка въ такомъ возрастѣ представляетъ собой существо, къ которому должно относиться какъ можно осторожно. Особенно опасною становится дѣвушка въ періодъ начинающихся менструацій, весьма часто передъ появленіемъ перваго мѣсячнаго.—Иныя остаются опасными въ эти періоды и передъ ними и во всю жизнь, до наступленія климактерическаго періода ²⁾.

Однако, во имя справедливости, слѣдуетъ сказать, что въ извѣстнаго рода наблюденіяхъ никто не обнаруживаетъ такой смѣт-

¹⁾ Такъ, д-ръ Антонъ Эльцельтъ-Невинъ сообщаетъ въ своей прекрасной статьѣ „О нравственныхъ предрасположеніяхъ“ о дѣлѣ Маріи Шейдеръ, которая въ 1886 г., имѣя 12 лѣтъ, убила 3-лѣтняго ребенка, съ цѣлью завладѣть его серьгами. При разборѣ дѣла, юная убійца производила такое впечатлѣніе, что какъ будто то обстоятельство, что ею занимались все такъ подробно и обстоятельно, льстило ея самолюбію!—(Этотъ случай цитируетъ и Ломброзо).

²⁾ См. Крафтъ-Эбинга. *Psychosis menstrualis*. Штутгарт. эвкл. 1902.

ливости, какъ подростоющая дѣвушка. Въ этихъ случаяхъ, если только она отброситъ всякія фантазіи, она можетъ дать болѣе цѣнныя показанія, нежели самыя развитыя взрослые. Причины этому тѣ же, которыя развиваютъ въ ней наклонность къ вымысламъ и преувеличеніямъ. Школа, замкнутая жизнь и ея самостоятельныя занятія не представляютъ пищи для мечтаній и грезъ, половыя инстинкты уже пробуждаются, и въ силу этого дѣвушка безсознательно ищетъ въ окружающей ее сферѣ такихъ событій, которыя имѣли бы отношеніе къ этимъ инстинктамъ. Чьи-нибудь ухаживанія, влюбленныя отношенія среди окружающихъ никѣмъ не подмѣчаются такъ скоро, какъ именно бойкой полувзрослой дѣвушкой. всякая перемѣна въ этихъ отношеніяхъ сообщается ея тонкому чуткому чувству: много ранѣе, чѣмъ влюбленные объяснились, она уже знаетъ о взаимномъ ихъ расположеніи, она предчувствуетъ приближеніе этого момента и угадываетъ его, какъ онъ наступилъ; все послѣдующее, какъ сливаются ихъ сердца, какъ отношенія разрываются, она предугадываетъ во всякомъ случаѣ скорѣе, чѣмъ окружающіе ее взрослые.

Въ связи съ этими стоятъ и тѣ наблюденія, которыя такія дѣвушки ведутъ надъ извѣстными лицами. Какая-нибудь интересная красавица или молодой человѣкъ, живущій вблизи, не имѣютъ надъ собой болѣе зоркаго наблюдателя, чѣмъ 12-тилѣтняя дѣвушка, сосѣдка. Кто они такіе, что они дѣлаютъ, кто у нихъ бываетъ, когда они выходятъ изъ дома, какъ они одѣваются, никто этого не знаетъ такъ хорошо, какъ она. Молодая дѣвушка превосходно подмѣчаетъ настроеніе ихъ духа, радость, грусть, скорбь, надежды, вообще все, что наполняетъ ихъ душу. Если нужны точныя отвѣты на *такіе* вопросы, то дѣвушка школьнаго возраста—самый лучший свидѣтель, при условіи, конечно, если она пожелаетъ открыть всю правду.

Отъ подростоющей юности перейдемъ къ зрѣлой юности, которая, хотя и переживаетъ самый цвѣтушій періодъ жизни, однако не принадлежитъ къ хорошимъ свидѣтелямъ: говоря вообще, именно молодые люди самыя плохіе наблюдатели. Переживая самый счастливый періодъ жизни, полная надеждъ и идеаловъ, интересуясь только собой и своими стремленіями, зрѣлая юность считаетъ самымъ важнымъ только себя самое. Дѣтство прошло, и оно выброшено изъ памяти, болѣе зрѣлый возрастъ и старость не удостоиваются ея вниманія, молодость стремится захватить себѣ весь міръ, для нея важно только то, что непосредственно ея касается, а все болѣе отдаленное не удостоивается и взгляда ея.

Самыми типичными представителями этого возраста слѣдуетъ считать молодую дѣвицу, которая способна игнорировать разрушеніе всего міра, лишь бы не упустить какого-нибудь бала, и молодого студента, который свою корпорацію ставитъ выше, чѣмъ все остальное подъ луной. Хотя впоследствии это настроеніе, конечно, измѣняется, тѣмъ не менѣе молодость въ эпоху ея полного мужества является воплощеніемъ самаго здороваго эгоизма, стремящагося къ первенству въ мірѣ и въ обширномъ круговоротѣ жизни знающаго только себя и свое право на существованіе. Кто наблюдалъ за собой и за другими, тотъ хорошо знакомъ съ этими ощущеніями, кто имѣлъ случай допрашивать молодыхъ людей въ качествѣ свидѣтелей о важнѣйшихъ событіяхъ, совершившихся въ ихъ средѣ, тотъ и негодовалъ и въ то же время радовался, съ какимъ безразличнымъ равнодушіемъ они проходили мимо этихъ явленій. Но если молодымъ людямъ пришлось что-либо наблюдать, то они расскажутъ все хорошо, правдиво и честно: хорошіе задатки заложены въ нихъ прочно, а буря жизни ихъ еще не поколебала.

Достигнувъ полного разцвѣта силъ, зенита жизни, человѣкъ вступаетъ въ обладаніе всѣми силами, дарованными ему Творцомъ; хорошія и дурныя качества достигли высшей степени своего развитія, чувства его изощрены, умъ—развитъ, и если зрѣлый мужчина или женщина захотятъ что-либо воспринять, наблюсти, то они вполне способны къ этому и въ состояніи правильно рассказать о воспринятомъ. Жизненные пути и стремленія въ этомъ возрастѣ точно и непоколебимо предначертаны, любовь и ненависть, просвѣтленныя опытомъ, приняли опредѣленныя формы, отношеніе ко всѣмъ вопросамъ установлено, и такимъ образомъ если человѣку въ зрѣломъ возрастѣ, вызванному въ судъ, приходится дать отвѣтъ за правду и противъ неправды, то онъ поступаетъ всегда съ извѣстной твердостью и опредѣленностью.

Но это справедливо лишь относительно человѣка добраго, хорошо направленнаго, ибо никогда, ни въ какомъ возрастѣ страсти, недоброжелательность, своекорыстіе, партійность и самолюбіе не обуреваютъ человѣка въ такой степени, какъ именно тогда, когда онъ стремится къ наибольшему простору, въ то время, когда онъ болѣе всего трудится и за то болѣе и требуетъ. Эти страсти въ такой мѣрѣ поработаютъ человѣка, что превращаютъ его въ бессознательнаго лицемѣра, и такимъ образомъ нѣтъ свидѣтеля для С. С. болѣе опаснаго, какъ человѣкъ, достигшій высшей степени познанія добра и зла.

Что же касается вопроса о различии между показаниями мужчины и женщины въ этомъ періодѣ, то лучшее опредѣленіе мы находимъ въ словахъ Граббе: «мужчина мыслить далеко, женщина чувствуетъ глубоко, для него міръ есть сердце, а для нея сердце есть весь міръ». Кто запомнитъ эти слова, тотъ отлично пойметъ все глубокое различіе въ наблюденіяхъ мужчины и женщины. Онъ будетъ въ состояніи предугадать, какъ понялъ извѣстное событіе мужчина, и какъ отнеслась къ нему женщина, если они оба наблюдали его. Помимо интереса, это вмѣстѣ съ тѣмъ и поучительно, такъ какъ тотъ, кто знаетъ заранѣе, что ему придется выслушать, выступить вооруженный противъ всего, что угрожаетъ истинѣ, и съумѣетъ увѣренно и смѣло повести допросъ по вѣрному пути.

Заклучимъ этотъ параграфъ нѣсколькими замѣчаніями о послѣднемъ періодѣ жизни, старости. Кротокъ и примирителенъ, или нетерпимъ и озлобленъ является передъ нами старикъ, смотря по тому, какимъ сдѣлала его судьба. Чувства его и способность къ воспріятіямъ ослабѣли, но большой опытъ заставляетъ его видѣть внутри себя многое, чего онъ не въ состояніи воспринять извнѣ, и часто онъ заканчиваетъ свои сужденія словами: «*tout comprendre, c'est tout pardonner*».—Наконецъ на самомъ закатѣ жизни старикъ превращается въ то, чѣмъ онъ когда-то былъ, въ ребенка: онъ лишается прежней ясности пониманія и вмѣстѣ съ тѣмъ страстей, смотритъ на все просто и безхитростно. Престарѣлые мужчина и женщина такъ же, какъ и дѣти разнаго пола, наблюдаютъ одинаково и, подобно дѣтямъ, легко поддаются подъ чужое вліяніе въ пользу или во вредъ другого.

б) Если свидѣтель не желаетъ говорить правды.

Каждый хорошо знаетъ, что указать средства или преподавать руководящія правила для предотвращенія ложныхъ показаній невозможно, но что свидѣтель гораздо менѣе скажетъ лжи, если С. С. отнесется къ своимъ обязанностямъ строго, съ этимъ согласится всякій, кому извѣстно, съ какой быстротой С—ли часто допрашиваютъ самыхъ существенныхъ свидѣтелей. Въ этомъ именно и заключается главная причина той массы ложныхъ свидѣтельскихъ показаній, какая встрѣчается въ нашихъ слѣдственныхъ дѣлахъ. Единственнымъ средствомъ для устраненія этого зла, подтачивающаго основанія общественной и государственной жизни, является осно-

вательная подготовка С. С. передъ каждымъ допросомъ, обстоятельное внушеніе каждому свидѣтелю о необходимости говорить правду и подробнѣйшій допросъ свидѣтеля, разъ только имѣется малѣйшее основаніе подозрѣвать лживость его словъ. Для того же, чтобы осуществлять эти правила въ той мѣрѣ, какъ этого требуютъ интересы государства, С. С. долженъ располагать гораздо большимъ временемъ, чѣмъ онъ имѣетъ теперь, а для этого было бы необходимо увеличить вдвое нынѣ существующій штатъ. Пусть дадутъ С-лю достаточно времени для его работы—безусловно при томъ необходимомъ,—тогда можно требовать отъ него хорошаго исполненія, и граждане могутъ успокоиться на мысли, что все возможное отъ чело-вѣка для наилучшаго отправленія правосудія сдѣлано.

Кто знакомъ практически съ производствомъ предварительныхъ слѣдствій, тотъ знаетъ, что самыхъ опасныхъ заблужденій С. С. можетъ избѣгать только путемъ обстоятельнѣйшаго допроса свидѣтелей. Это тѣмъ важнѣе, что при настоящемъ положеніи предварительнаго слѣдствія свидѣтели въ этой стадіи процесса допрашиваются почти всегда безъ присяги и преимущественно въ общихъ чертахъ, «все же остальное предоставляется разбирательству дѣла на судѣ». Что же дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдствіе не доходитъ до судебного разбирательства? Если данныя предварительнаго слѣдствія сложились такъ, что дѣло было прекращено, то весьма важныя преступленія остаются безъ кары именно потому, что свидѣтельскія показанія записывались бѣгло въ надеждѣ, что все восполнится на судебномъ слѣдствіи. Насколько важенъ обстоятельнѣйшій допросъ свидѣтелей, заподозрѣнныхъ во лжи, особенно ясно доказываютъ тѣ случаи, когда для обмана С. С.—ля пускается въ ходъ сложная система.

Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ случаѣ, происшедшемъ недавно и оказавшемся продуктомъ сплетенъ совершенно необразованныхъ женщинъ. Производилось дѣло о незаконномъ сожительствѣ одного зажиточнаго и весьма ограниченнаго въ умственномъ отношеніи крестьянина, послѣдствіемъ каковаго сожительства было рожденіе младенца; заявленіе оказалось ложнымъ, и мать ребенка и ея мать были привлечены къ отвѣтственности за мошенничество; обѣ отрицали свою вину и сослались на одну женщину, которая должна была показать въ пользу обѣихъ обвиняемыхъ; когда эта свидѣтельница получила повѣстку о вызовѣ къ С. С., то къ ней явились обѣ обвиняемыя и старались упротить ее дать ложное показаніе, несмотря на то, что она не была въ состояніи удо-

стовѣрить то, что имъ было нужно. Она отказала имъ въ просьбѣ, но потомъ, послѣ долгихъ упрашиваній, согласилась продать свою повѣстку за деньги, чтобы самой къ С. не являться. Послѣ этого обвиняемая нашла другую женщину, которая съ повѣсткой первой женщины явилась къ С. С. и подтвердила все, что ей было ранѣе внушено обвиняемыми. Къ счастью, С. С. допрашивалъ ее весьма обстоятельно, и когда вопросъ коснулся такихъ данныхъ, которыя должны были быть извѣстны свидѣльницѣ, то она начала смущаться и тревожиться, на вопросы о личныхъ отношеніяхъ совсѣмъ не могла отвѣтить, и затѣмъ скоро удалось установить, что передъ С. С. стояла совершенно другая личность, чѣмъ та, которая значилась на повѣсткѣ.

Считая этотъ случай изъ ряда выходящимъ, я рассказалъ объ немъ многимъ коллегамъ, но, какъ оказалось, у двухъ изъ нихъ были совершенно такіе же случаи. Въ одномъ изъ нихъ изобличеніе удалось также благодаря тщательному допросу, а въ другомъ благодаря тому, что свидѣтель въ концѣ допроса сбился и подписалъ подъ показаніемъ свою собственную фамилію; на вопросы С. онъ проявилъ такое смущеніе, что вскорѣ удалось установить его настоящую личность.

Если уже въ такомъ небольшомъ кружкѣ стало извѣстно не менѣе трехъ случаевъ, въ которыхъ С. С.-ля пытались обмануть довольно изощреннымъ способомъ, то какъ же часто вообще должны происходить подобные случаи, и какъ рѣдко удается раскрывать ихъ! Но часто и самый тщательный допросъ не приведетъ къ изобличенію лживости ловко составленнаго показанія, часто это будетъ зависѣть прямо отъ того, кто окажется хитрѣе, свидѣтель или С. С. Въ общемъ С. С. всегда имѣетъ значительныя преимущества въ этой борьбѣ. Прежде всего, онъ болѣе спокоенъ, потому что свидѣтель, какъ бы то ни было, ведетъ опасную игру, между тѣмъ какъ С. С. въ самомъ худшемъ случаѣ будетъ обманутъ лишній разъ; затѣмъ С. С. знакомъ со всѣми данными дѣла, болѣе или менѣе знаетъ, что правдоподобно и что нѣтъ; онъ смотритъ на показаніе каждаго свидѣтеля, особенно когда слѣдствіе значительно подвинется впередъ, какъ на камень, имѣющій опредѣленное мѣсто въ общемъ зданіи, и разъ онъ не соотвѣтствуетъ этому мѣсту и не гармонируетъ съ цѣлымъ, то долженъ быть признанъ негоднымъ. Наконецъ С. С. и въ томъ отношеніи имѣетъ преимущество, что можетъ спрашивать, а свидѣтель имѣетъ это право лишь въ видѣ исключенія. Путемъ тщательныхъ и при томъ неоднократныхъ разспросовъ С. С.

может коснуться такихъ обстоятельствъ, которыя не имѣлись въ виду свидѣтелемъ и его подговорщикомъ, при малѣйшемъ же противорѣчїи С. имѣеть основаніе отнестись съ сомнѣніемъ къ его показанію и, обсуждая разнорѣчія между показаніями, скоро обнаружить раскнутыя сѣти лжи. Чтобы достигнуть этого, онъ долженъ воспользоваться всѣми преимуществами своего положенія, долго и много спрашивать и всѣ отвѣты заносить въ протоколъ. Я не допускаю, чтобы такое расширеніе рамокъ вопроса вызвало чрезмѣрное увеличеніе матеріала: если С. тщательно изучилъ дѣло, выяснилъ все необходимое, къ чему онъ долженъ направлять свои усилія, если онъ дѣйствительно будетъ ставить существенные вопросы и отвѣты записывать кратко и по существу дѣла, то, хотя и увеличится содержаніе, но менѣе будетъ словъ, и протоколы не будутъ слишкомъ длинны.

Правда, такая работа подчасъ поистинѣ утомительна для С., но трудъ есть удѣлъ С., и кто не желаетъ исполнять подчасъ прямо неприятныхъ обязанностей, тотъ не долженъ быть С. С. Для примѣра остановимся ближе на той борьбѣ, которую С. приходится вести противъ ложныхъ ссылокъ на «*alibi*»,—это самое обычное и сильное средство для оправданія.

Мнѣ кажется превосходнымъ выраженіе Карла Стилера (*Stieler*): для настоящаго браконьера требуются три условія: разбирающееся на части ружье, вымазываніе лица черной краской и удачная ссылка на «*alibi*». Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ развитъ этотъ промыселъ, перечисленные условія сдѣлались обычными, въ мѣстностяхъ же гористыхъ бываетъ всегда такъ: дровосѣкъ идетъ на недозволенную охоту, полѣсовщики замѣчаютъ его, но не могутъ изобличить вслѣдствіе значительнаго отдаленія, ружье прячется въ какомъ нибудь ущельи, а ближайшіе пастухъ и пастушка готовы подтвердить подъ присягой, что дровосѣкъ именно въ тотъ часъ, когда его видѣли полѣсовщики, сидѣлъ въ ихъ избѣ и чинилъ свою куртку. Все это хорошо придумано и отлично подтверждается, если только С. С. не войдетъ въ подробности и не будетъ предлагать всѣ, въ сущности довольно скучные вопросы, какіе только могутъ быть по обстоятельствамъ предложены: какъ именно они сидѣли, сколько времени были вмѣстѣ, что дѣлали, о чемъ говорили, въ какомъ порядкѣ все происходило и т. д. Если С. С. былъ настолько предусмотрителенъ, что вызвалъ свидѣтелей и обвиняемаго *одновременно* и устроилъ такъ, что свидѣтель допрошенный не имѣлъ возможности переговорить съ еще недопрошенными, то въ показаніяхъ ихъ

почти всегда окажутся болѣе или менѣе существенныя противорѣчія. Такъ же слѣдуетъ поступать и въ гораздо болѣе сложныхъ случаяхъ ссылокъ на *alibi*, даже и тѣхъ, которыя старательно подготавливаются опытными преступниками; по моему мнѣнiю, всегда и безъ исключенiя возможно обнаружить и раскрыть лживость такихъ ссылокъ, но, конечно, для этого слѣдуетъ положить не мало труда и произвести рядъ скучныхъ, повторяющихся допросовъ.

Наиболѣе затруднительна бываетъ провѣрка лживой ссылки обвиняемаго на свое *alibi*, когда сговорившіеся условились приурочить событіе, на самомъ дѣлѣ имѣвшее мѣсто, въ своемъ показанiи къ иному времени. Если преступленiе было совершено, напримеръ, въ понедѣльникъ, то обвиняемый со своими лжесвидѣтелями условливаются относительно встрѣчи ихъ, происходившей на самомъ дѣлѣ въ воскресенье, перенести въ своихъ показанiяхъ эту встрѣчу на понедѣльникъ и при допросѣ получится полное тождество показанiй во всѣхъ деталяхъ. Въ случаѣ, если возникнетъ подозрѣнiе о лживости такого объясненiя, С. С. долженъ требовать показанiй о событіяхъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ дней, и такимъ способомъ онъ можетъ выяснитъ, что событіе, перенесенное на условленное время, не могло произойти въ это время.

Если обвиняемый находится подъ стражей, то отнюдь не слѣдуетъ вполнѣ полагаться на цѣлесообразность этой мѣры. Пока нѣтъ возможности подвергать каждаго обвиняемаго одиночному заключенiю, разрѣшать прогулки только подъ условiемъ полной изоляціи отъ другихъ арестантовъ и окружить его стражею абсолютно неподкупной, до той поры невозможно воспрепятствовать сношенiямъ между обвиняемыми и внѣшнимъ міромъ. Наболѣе вредны въ этомъ отношенiи другіе арестанты, ибо если даже содержать вмѣстѣ только однихъ подслѣдственныхъ арестантовъ, то никогда нельзя знать напередъ, не будетъ ли тотъ или другой изъ нихъ освобожденъ за прекращенiемъ дѣла или оправданiемъ. Такіе случаи всегда имѣются въ виду арестантами, и они заранѣе сговариваются, что именно и кто изъ нихъ по освобожденiи долженъ сообщить друзьямъ или родственникамъ оставшихся въ заключенiи. Именно такими уговорами объясняются тѣ случаи, когда подслѣдственный арестантъ, содержащійся болѣе или менѣе продолжительное время въ заключенiи, вдругъ начинаетъ доказывать свое *alibi*, какъ будто ранѣе онъ объ этомъ забывалъ. Становится непонятнымъ, какъ человѣкъ могъ относиться къ своей судьбѣ столь равнодушно, что не упоминалъ и не доказывалъ обстоятельства, которое вполнѣ раскрываетъ его не-

винность. Дѣло, однако, разъясняется, когда мы узнаемъ, что изъ той же тюрьмы, въ которой содержится «забывчивый» арестантъ, былъ освобожденъ или выпущенъ другой арестантъ, на котораго и была возложена задача привести въ дѣйствиѣ задуманный планъ доказать *alibi* товарища.

Если же нельзя установить, что недавно былъ освобожденъ изъ тюрьмы другой арестантъ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что арестанту удалось передать тайнымъ образомъ письмо, посредствомъ котораго реализировалось *alibi* ¹⁾. Допустить, чтобы кому-либо могло придти на умъ такое важное доказательство лишь впоследствии, безъ сомнѣнiя, невозможно. Разъ же удалось установить лживость ссылки на *alibi*, то съ лжесвидѣтелями поступить уже нетрудно ²⁾.

Гораздо труднѣе имѣть дѣло съ свидѣтелями, дающими лживое показанiе о другихъ обстоятельствахъ, кромѣ *alibi*, такъ какъ въ этихъ случаяхъ С. приходится ограничиваться только констатированiемъ противорѣчiй. Кто доказываетъ свое *alibi*, почти безъ исключенiя заботится о томъ, чтобы поставить не менѣе двухъ свидѣтелей, такъ какъ знаетъ, что одному свидѣтелю могутъ и не повѣрить.

Въ другихъ же случаяхъ, въ особенности когда доказываются болѣе сложные факты, нерѣдко для каждаго факта выставляется по одному свидѣтелю. Но и тогда, когда для подтвержденiя одного факта указываются нѣсколько свидѣтелей, то обнаруженныя въ показанiяхъ ихъ противорѣчiя обыкновенно ничего не доказываютъ, особенно при событияхъ, длящихся непродолжительное время. Если, напр., ктонибудь пожелаетъ доказать, что онъ не участвовалъ въ дракѣ, и при этомъ ссылается, положимъ, на трехъ свидѣтелей, то ихъ придется спросить только относительно того срока или момента, когда потерпѣвшiй былъ побитъ. Лжесвидѣтели въ этомъ случаѣ не будутъ пускаться въ большiя подробности, вообще не будутъ говорить ничего положительнаго, а только удостовѣрять, что тотъ, въ

¹⁾ Въ уголовномъ музеѣ въ Грацѣ я собралъ большую коллекцiю такъ называемыхъ „Fühgen“, т. е. искусственно сплетенныхъ веревокъ, къ концу привязанъ какой-нибудь тяжелый предметъ, напр. кусокъ кирпича или мѣшечекъ съ пескомъ, для того, чтобы раскачивая эту веревку передавать записки отъ одного окна къ другому. Эти веревки обыкновенно дѣлаются изъ тонкихъ полосокъ разорванной матерiи (простынь, сорочекъ, юбокъ) или изъ нитокъ распущенныхъ чулковъ, иной разъ даже изъ плетеной постельной соломы. Въ особенности женщины обнаруживаютъ много находчивости и умѣнiя при изготовленiи такихъ плетенiй.

²⁾ О сообщенiяхъ арестантовъ между собою см. главу VII. 4. 5. 3.

защиту котораго они показываютъ, въ минуту, когда потерпѣвшему нанесены были поврежденія, не былъ вблизи него. Какъ все это происходило, они въ точности не скажутъ, такъ какъ «суматоха была слишкомъ велика», и «все дѣло кончилось въ нѣсколько мгновений».—Какъ въ такихъ общихъ показаніяхъ найти противорѣчія, сказать очень трудно, поэтому приходится искать другихъ средствъ.

Вышеупомянутыя правила: изучать и подготавливаться къ дѣлу какъ можно точнѣе и допрашивать какъ можно тщательнѣе, конечно, и въ этихъ случаяхъ сохраняютъ свою силу, но къ нимъ слѣдуетъ добавить еще правило: по возможности тщательно анализировать показанія свидѣтелей. Не должно ожидать, не окажется ли данное показаніе по какой-либо причинѣ подозрительнымъ, ибо разъ такая причина нашлась, то нить—въ рукѣ и развернуть ее очень легко. Но надо постоянно держать въ своемъ умѣ, что *каждое* свидѣтельское показаніе можетъ быть лживымъ. Это не есть чрезмѣрное недоувѣріе, а только осторожность и знаніе своего дѣла, ибо лживыя показанія часто облакаются въ самыя невинныя и неподозрительныя формы.

Такимъ образомъ, руководствуясь этимъ соображеніемъ, прежде всего слѣдуетъ разобраться, не говоритъ ли свидѣтель лжи по какой-нибудь причинѣ, несмотря на то, что желалъ сказать правду. Если къ этому нѣтъ основаній, то слѣдуетъ поставить вопросъ, быть можетъ свидѣтель не хотѣлъ сказать правды, и затѣмъ анализировать далѣе, есть ли у свидѣтеля какой-нибудь мотивъ не говорить правды, и нельзя ли вскрыть этотъ мотивъ. Такой мотивъ можно найти или въ личныхъ отношеніяхъ свидѣтеля къ обвиняемому или потерпѣвшему, или въ прямомъ отношеніи его къ самому дѣлу. Въ первомъ случаѣ не будетъ трудно установить, нѣтъ ли или не было ли между ними дружбы, родства и иныхъ отношеній, во второмъ случаѣ необходимо тщательнѣйшее изученіе дѣла, не имѣетъ ли свидѣтель хотя бы самый отдаленный, малѣйшій интересъ въ томъ или другомъ исходѣ дѣла, не участвовалъ ли самъ въ преступленіи, и не грозила ли ему опасность навлечь на себя подозрѣніе въ соучастіи.

Если окажется какое бы то ни было отношеніе свидѣтеля къ самому дѣлу, то С. С. обязанъ отнести къ его показанію съ недоувѣріемъ и подвергнуть его провѣркѣ: при этомъ должно упорно стремиться къ тому, чтобы понять ту точку зрѣнія на дѣло, на которой стоитъ свидѣтель. Это вовсе не такъ трудно, какъ кажется: свидѣтель почти всегда выдаетъ себя тѣмъ или другимъ словомъ.

Въ этомъ отношеніи мы многому можемъ поучиться у писателей романовъ, стараясь при чтеніи каждаго романа съ самаго начала отгадать, кто герой романа и кто представитель порока, ранѣе, чѣмъ писатель выскажется объ этомъ опредѣленно. Мы можемъ почти всегда выяснитъ это очень скоро, благодаря какому-нибудь одному слову. Герой будетъ имѣть всевозможныя, часто прискорбныя качества, но онъ никогда не будетъ скупъ, мелочень, завистливъ, неоткровененъ и лукавъ; онъ не всегда—олицетвореніе мужской красоты, но никогда не будетъ плѣшивъ, косоглазъ или имѣть испорченные зубы, а если эти качества и окажутся у него, то онъ будетъ имѣть «высокій лобъ», какой-нибудь «необыкновенный взглядъ», о зубахъ же будетъ пройдено молчаніемъ, онъ будетъ одѣваться небрежно, просто, не по модѣ, но никогда грязно. Представитель же злого начала, можетъ быть, на первыхъ порахъ окажется обладающимъ всевозможными достоинствами, умственными и физическими и сумѣетъ даже завоевать сердце читателя обманною внѣшностью честнаго человѣка, но затѣмъ читатель измѣнитъ свой взглядъ, какъ только авторъ заставитъ его воскликнуть «визгивымъ» голосомъ, взглянуть «изподлобья», или же обнаружить свою «не вполне порядочную пязщную внѣшность». Такіе эпитеты врядъ ли прилагались бы къ этому человѣку, если бы писатель впоследствіи не имѣлъ въ виду выставить его, какъ злодѣя.

Точно также поступаетъ и свидѣтель, который желаетъ погубить невиннаго или помочь виновному: въ послѣднемъ случаѣ онъ, если возьмется за дѣло ловко, то снабдитъ виновнаго и дурными свойствами, въ видахъ осторожности подтвердитъ кое-какія обстоятельства, которыхъ впрочемъ и нельзя почему-либо отрицать, но будетъ остерегаться удостовѣрять тѣ обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ подрывается уваженіе къ обвиняемому. Если же онъ хочетъ повредить обвиняемому, то все показаніе его, можетъ быть, съ самаго начала будетъ носить характеръ благосклонный, извиняющій, оправдывающій, пока вдругъ одно его слово, одинъ эпитетъ не обратитъ вниманія С. С. и не заставитъ его быть настоящимъ; и затѣмъ свидѣтель начинаетъ утверждать относительно обвиняемаго нѣчто весьма дурное, насколько позволяетъ это ему совѣсть.

Для успѣшныхъ наблюденій въ описанномъ направленіи вовсе не нужно быть хорошимъ психологомъ: добрая воля и строгое вниманіе почти всегда укажутъ правильно тотъ моментъ, когда у свидѣтеля вырвется нечаянно какое-нибудь предательское слово.

Конечно, это слово не будетъ имѣть значенія какого-либо несомнѣннаго доказательства, но въ большинствѣ случаевъ дать С. С. указаніе, что въ сообщеніи свидѣтеля что-то не такъ. Провѣрить это предположеніе въ общемъ не очень трудно: слѣдуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, заставить свидѣтеля изложить что-нибудь С. С.-лю положительно извѣстное по личнымъ наблюденіямъ или же по показаніямъ другихъ надежныхъ свидѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ не безразличное для виновности или невинности обвиняемаго.

Такъ какъ всякое событіе можетъ быть разсматриваемо и излагаемо съ разныхъ сторонъ, то заподозрѣнный свидѣтель, если онъ дѣйствительно недобросовѣстный, безъ сомнѣнія изложитъ дѣло такъ, что С. С. хорошо пойметъ, въ какомъ отношеніи свидѣтель говоритъ неправду; но при этомъ слѣдуетъ отличать лжесвидѣтеля отъ свидѣтеля пристрастнаго (партійнаго). Совершенно безпристрастнаго свидѣтеля вообще найти нельзя, и какому-либо оттѣнку въ показаніи нельзя придавать слишкомъ серьезнаго значенія; этотъ оттѣнокъ нѣкотораго пристрастія столь существенно разнится отъ настоящаго лжесвидѣтельства, что смѣшивать ихъ почти невозможно.

Если провѣрка приведетъ къ результату, неблагопріятному для свидѣтеля, то полезно еще разъ провѣрить себя, произвести вторую контрольную провѣрку. И если подозрѣніе снова подтвердится, то я рекомендую въ этомъ случаѣ объяснить свидѣтелю откровенно, что С. думаетъ о его показаніи: по крайней мѣрѣ этимъ путемъ предотвращается дальнѣйшая ложь. Въ весьма многихъ случаяхъ бываетъ, что свидѣтель, особенно если онъ—еще не совсѣмъ испорченный человѣкъ, сдѣлаетъ еще разъ попытку провести С. С., продолжить свою ложь, но увидѣвъ, что С. обману не поддается, прекращаетъ ложь и говоритъ правду. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что, если С. С. допустить себя ввести въ обманъ, то онъ самъ въ этомъ виноватъ, такъ какъ, если бы онъ съ самаго начала отнесся съ большимъ вниманіемъ къ дѣлу, то ему было бы легко воспрепятствовать развитію лжи. Нужно такъ сказать постоянно имѣть глаза открытыми и обращать особенное вниманіе на внутреннія противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей, или на несоотвѣтствіе ихъ внѣшнимъ обстоятельствамъ дѣла, ибо ничто такъ не дѣйствуетъ сильно, подавляющимъ и въ то же время отрезвляющимъ образомъ на людей, особенно мало образованныхъ, какъ ясное и рѣзкое «*demonstratio ad oculos*».

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и такого рода ме-

дочн: напр. не забывать о томъ, что тотъ — неграмотенъ, который будто бы, по словамъ свидѣтеля, ему что-либо читалъ;—если свидѣтель говорить, будто его дому грозила опасность отъ огня, то напомнить ему, что домъ этотъ во время пожара былъ за вѣтромъ;—если онъ говорить, что цѣлые полчаса стоялъ босой на улицѣ, напомнить, что въ то время былъ снѣгъ по колѣно;—свидѣтель, положимъ, говорить, что рѣчка часто переполняется и выходитъ изъ береговъ, между тѣмъ одинъ взглядъ на камни, лежащіе на днѣ и выходящіе изъ воды, показываетъ, что на нихъ растетъ довольно густой мохъ, который, конечно, не остался бы, если бы они часто заливались водой;—свидѣтель, напр., показываетъ, что сынъ его еще тогда обращалъ вниманіе свидѣтеля на разныя обстоятельства, но по расчету оказывается, что сыну этому тогда было всего 6 лѣтъ.

Подобные примѣры явныхъ противорѣчій и несообразностей часто встрѣчаются въ нашихъ протоколахъ. Они служатъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для изобличенія свидѣтелей во лжи, потому слѣдуетъ разоблачать ихъ безпощадно. Это же не составитъ затрудненій, если вести допросъ съ полнымъ вниманіемъ и *данное свидѣтелемъ показаніе постоянно представлять себѣ, какъ живую картину*. Приѣмъ этотъ въ высокой степени полезенъ: противорѣчія въ словахъ не такъ явно бросаются въ глаза, какъ противорѣчія въ фактахъ. Поэтому надо поступать такимъ образомъ: все событіе по рассказу свидѣтеля или по словамъ другихъ свидѣтелей мысленно представить себѣ въ умѣ и въ эту картину вводить одно за другимъ все новое, сообщаемое свидѣтелемъ, и во время показанія мысленно возстановливать весь ходъ преступленія, тогда окажется почти невозможнымъ упустить изъ виду какую бы то ни было несообразность или нелѣпность. Вездѣ необходимо отдавать себя дѣлу всею душою, только тогда трудъ будетъ законченнымъ и успѣшнымъ.

Въ связи со сказаннымъ слѣдуетъ упомянуть о томъ, что С. С. въ каждомъ случаѣ надлежитъ удостовѣряться и въ томъ, дѣйствительно ли передъ нимъ находится именно то лицо, которое вызвано къ слѣдствію, ибо бываютъ чаще, чѣмъ предполагаютъ, случаи явки къ С-лю другихъ лицъ, вмѣсто вызванныхъ, по разнымъ причинамъ:

- 1) случаи явки другого лица, о которыхъ уже говорилось выше.
- 2) случаи явки подставнаго потерпѣвшаго или, говоря точ-

ибе, другаго лица, вмѣсто того, которое было освидѣтельствовано судебнымъ врачомъ. Каспаръ Лиманъ указываетъ на случай съ графиней Эссексъ (урожденной лэди Френцисъ Гоуардъ?), которая, съ цѣлью доказать свою дѣвственность, замѣнила себя одной молодой дѣвицей. Подобные случаи нерѣдки и въ наше время; я припоминаю случай, въ которомъ А. избилъ полѣномъ Б., не повредивъ, однако, кости. Когда Б. получилъ повѣстку о вызовѣ къ слѣдствію, онъ послалъ В., упавшаго приблизительно въ то же время съ дерева и получившаго при этомъ переломъ руки. В. явился къ слѣдователю, назвался Б., былъ допрошенъ и изслѣдованъ и лишь много времени спустя удалось обнаружить обманъ, при чемъ выяснилось, что Б. прибѣгалъ къ обману, съ цѣлью получить отъ А. побольше денегъ. Мнѣ передавали также о другомъ случаѣ, въ которомъ также съ цѣлью шантажа, вмѣсто А. была послана беременная Б., при чемъ въ актѣ изслѣдованія, конечно, былъ удостовѣренъ фактъ беременности А.

3) Наконецъ, бываютъ случаи и явки подставнаго обвиняемаго, также по разнымъ поводамъ. Д., заподозрѣнный въ подлогѣ документа, послалъ вмѣсто себя Е., который объяснилъ, что онъ почти слѣпъ и, слѣдовательно, не могъ совершить подлога; при судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи Е. оказалось, что онъ страдаетъ на самомъ дѣлѣ весьма развитымъ катарактомъ глазъ, вслѣдствіе чего съ Д. подозрѣніе было снято.

Ф., заподозрѣнная въ изганіи плода, совершеннаго за нѣсколько дней до возникновенія дѣла, заявила, что она не въ состояніи оставить постели и не можетъ явиться. С. С. съ врачами и понятыми отправился на домъ, гдѣ какая-то старуха показала свою дочь, лежавшую въ постели. Врачи изслѣдовали ее и выяснили, что она никогда не была беременной и не рожала. Впослѣдствіи возникло предположеніе о томъ, что освидѣтельствованіе было произведено надъ подставнымъ лицомъ.

Г. получилъ повѣстку о вызовѣ въ качествѣ обвиняемаго въ мошенничествѣ, и, боясь заключенія подъ стражу непосредственно вслѣдъ за допросомъ его, онъ склонилъ І. явиться къ допросу и быть задержаннымъ вмѣсто него Г. Такъ и случилось, и лишь когда Г. бѣжалъ за границу, дня 4 или 5 спустя, І. сознался въ обманѣ.

Будучи Судебнымъ Слѣдователемъ, я какъ-то зимою вечеромъ въ 7^{1/2} ч. допрашивалъ въ качествѣ обвиняемаго задержаннаго К. Его ввели въ камеру, я предъявилъ ему обвиненіе, онъ не оправдывался и не дѣлалъ возраженій, подписалъ протоколъ допроса и

былъ отведенъ въ мѣста заключенія. Послѣ того мой псѣмоводитель сталъ утверждать, что К. при какомъ-то другомъ допросѣ выглядѣлъ совершенно иначе и, въ дѣйствительности, въ послѣдствіи выяснилось, что въ мою камеру, вмѣсто К. былъ доставленъ Л. Оказалось, что К. уже легъ спать и ему просто не хотѣлось встать, и такъ какъ это было «дѣло съ сознаниемъ», то онъ воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что для доставленія его явился вновь назначенный тюремный надзиратель и послалъ вмѣсто себя другого арестанта—Д.

Всѣ эти случаи указываютъ на то, какъ легко и часто возможны и на самомъ дѣлѣ бываютъ подобные случаи подмѣна лицъ, послѣдствія которыхъ могутъ быть весьма пагубными. Устранить ихъ совершенно нѣтъ возможности, такъ какъ нельзя же для удостовѣренія личности каждаго изъ вызываемыхъ приглашать мѣстныхъ должностныхъ лицъ; но должно быть осторожнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда требуется особенное вниманіе, благодаря своеобразнымъ обстоятельствамъ дѣла, неестественному поведенію вызваннаго лица или инымъ подобнымъ явленіямъ.

Весьма важенъ для насъ вопросъ, какъ слѣдуетъ относиться къ показаніямъ умирающихъ. С. С. приходится снимать допросъ съ лицъ смертельно раненыхъ, отравленныхъ, или съ лицъ, которыя на смертномъ одрѣ пожелаютъ открыть давно скрываемыя ими тайны, при чемъ могутъ быть обнаружены виновные по какому нибудь прежнему дѣлу; наконецъ, умирающіе могутъ облегчать свою совѣсть тѣмъ, что сознаются въ совершеніи какого-либо преступленія или же могутъ свидѣтельствовать о невинности осужденнаго. Во многихъ случаяхъ показаніе умирающаго имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что вслѣдствіе значительной давности или особыхъ обстоятельствъ иногда и не существуетъ никакихъ иныхъ доказательствъ, кромѣ ихъ словъ. Если С. С. имѣлъ возможность самъ допросить умирающаго и даже подъ присягой, то вопросъ не представляетъ затрудненій, такъ какъ С. С. имѣлъ случай лично наблюдать давшаго показаніе и вынести то или другое убѣжденіе о степени правдивости его. Гораздо чаще бываетъ, что С. С.—ля пригласить своевременно нѣтъ возможности, показаніе умирающаго было выслушано третьими лицами, которые и передали о немъ С. Само собой разумѣется, что такіе свидѣтели должны быть допрошены съ особою тщательностью и осторожностью, причемъ во всѣхъ подоб-

ныхъ случаяхъ слѣдуетъ истребовать заключеніе судебного врача о томъ, могъ ли умиравшій въ виду его состоянія говорить правду. Положимъ, что заключеніе высказано въ утвердительномъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе остается рѣшить вопросъ, оказываетъ ли какое нибудь вліяніе на правдивость показанія то обстоятельство, что человѣкъ находится передъ лицомъ смерти. Юристы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ весьма различно: одни говорятъ, что показанія умирающаго безъ сомнѣнія правдивы, другіе утверждаютъ, что къ показаніямъ ихъ слѣдуетъ относиться такъ же точно, какъ и къ показаніямъ всякаго другого свидѣтеля. Болѣе опытности въ этомъ отношеніи, чѣмъ мы, имѣютъ лица духовнаго званія, особенно католическаго вѣроисповѣданія, которымъ безчисленное количество разъ приходится выслушивать послѣднія тайны умирающихъ. Мнѣнія этихъ лицъ,—конечно, только тѣхъ, которые свободны отъ предубѣжденій,—сводятся къ тому, что прежде всего слѣдуетъ обращать вниманіе, былъ ли умирающій безусловно вѣрующимъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ показанія умирающихъ безусловно слѣдуетъ придавать полную вѣру, такъ какъ умирающій, будучи твердо убѣжденъ въ необходимости предстать предъ Всевышнимъ Судьею, несомнѣнно не возьметъ на душу тяжкій грѣхъ. Но при этомъ возникаетъ другой вопросъ, какъ доказать, дѣйствительно ли умершій былъ вѣровавшимъ человѣкомъ.

Если же умиравшій не былъ таковымъ, то слѣдуетъ принимать въ соображеніе: были ли у него какіе нибудь особенные расчеты въ жизни, т. е. не подвергалось ли доброе имя его опороченію, или это было для него безразлично, нѣтъ ли повода къ предположенію, что показаніе его, данное на смертномъ одрѣ, можетъ принести въ какомъ бы то ни было отношеніи вредъ его роднымъ. Если отвѣтъ на эти вопросы будетъ отрицательный, то предсмертное его показаніе правдиво, хотя бы въ жизни своей онъ и не былъ вполне безупречнымъ человѣкомъ. Если же у лица, не имѣвшаго вѣры, обнаруживается расчетъ достигнуть возстановленія его добраго имени или послужить тѣмъ или другимъ интересамъ его родни, то къ предсмертному показанію его слѣдуетъ отнести такъ, какъ будто оно дано было въ обычныхъ условіяхъ. Если онъ былъ честный человѣкъ, то говорилъ правду и на смертномъ одрѣ, а если таковымъ не былъ, то могъ и здѣсь сказать ложь.

с) Ложь, какъ явленіе «патоформенное».

(Das pathoforme Lügen).

Есть положеніе среднее между тѣмъ, когда свидѣтель желаетъ сказать правду, и тѣмъ, когда онъ не желаетъ сказать ея. Сюда подходятъ тѣ случаи, когда свидѣтель, отнюдь не имѣя намѣренія *въ данную минуту* солгать, однако въ силу привычки представляетъ дѣло въ извращенномъ видѣ. Эта привычка, строго говоря, не есть явленіе болѣзненное и представляетъ собою послѣдствіе ряда условий, выражающееся въ ненормальномъ—по крайней мѣрѣ въ данную минуту—состояніи ума признавать истиннымъ то, что таковымъ на самомъ дѣлѣ не было. Такіе случаи для С. С. представляютъ крайнее затрудненіе, такъ какъ живыя показанія этихъ людей лишены совершенно мотивовъ, или точнѣе всякихъ болѣе или менѣе понятныхъ мотивовъ, и такъ какъ они сами производятъ въ общемъ впечатлѣніе вполне нормальныхъ людей, и наконецъ изложеніе ихъ настолько представляется складнымъ, что живость показаній сама по себѣ не можетъ быть обнаружена. Такія явленія, которыя мы назовемъ «патоформенными», чаще всего замѣчаются у людей, одаренныхъ богатой фантазіей, у женщинъ и у дѣтей, при чемъ фантазія ихъ обыкновенно проходитъ всѣ степени, начиная отъ незначительнаго преувеличенія и до чистѣйшаго вымысла.

Самый любопытный примѣръ этого представляетъ Гётте, который въ своей книгѣ: «*Dichtung und Wahrheit*» откровенно признается, что онъ нерѣдко рассказывалъ вымышленныя событія, какъ дѣйствительно имъ пережитыя. Онъ оканчиваетъ такими словами: «если бы я мало-по-малу не выучился, согласно моей индивидуальности, изъ воздушныхъ образовъ и созданій моей вѣтреной фантазіи выработывать художественныя произведенія, то эта склонность къ вымысламъ, безъ сомнѣнія, имѣла бы самыя дурныя послѣдствія». Первый ученый, коснувшійся вопроса о нормальныхъ источникахъ уклоненій памяти и безсознательной лжи, былъ Маудсли («*Die Psychologie und Pathologie der Seele*»), послѣ него надъ нимъ работали Сюлли («*Die Illusionen*», Leipzig 1884) и Крэпелинъ («*Ueber Erinnerungsfälschungen*», Archiv für die Psychologie und Nervenkrankheiten, XVII и XVIII), наиболѣе же всестороннюю обработку получилъ этотъ вопросъ въ трудахъ д-ра Дэльбрюка («*Die pathologische Lüge u. s. w.*», Stuttgart 1891 г.). Онъ приводитъ цѣлый рядъ случаевъ ложныхъ рассказовъ, вслѣдствіе инстинктивной склонности ко лжи и обману, при чемъ нѣтъ никакой

возможности объяснить эту склонность какими либо патологическими особенностями субъектов, хотя в то же время она представляет несомненное отклонение от нормы. От этих случаев слѣдует строго отличать тѣ, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло съ настоящею болѣзнию, которую Дэльбрюкъ называетъ «фантастической псевдологіей». У подверженныхъ ей склонность къ лжи и обману развивается до такой степени, что переходитъ въ истерію и затѣмъ въ нравственное помѣшательство (*moral insanity*), — требующее уже вмѣшательства судебнаго врача. Но особенное затруднение для С. С. представляютъ тѣ лица, которыя, по выраженію Фореля («*Übergangsformen zwischen Geistesstörung und geistiger Gesundheit*»), обладаютъ этически-идіотическимъ умомъ, дѣлающимъ ихъ совершенно неспособными говорить правду. Эта склонность къ лжи можетъ дойти до невѣроятныхъ размѣровъ, какъ напр. у той, впрочемъ страдающей истеріей, дамы, о которой рассказываетъ Рейнгардъ («*Vierteljahrsschrift für gerichtliche Medicin*» 1889 г.) и которая писала лживыя письма, посылала по собственному адресу анонимныя посланки и затѣмъ дошла до того, что всѣ собственныя выдумки принимала за дѣйствительную правду. Въ этомъ отношеніи Риппингъ («*Die Geistesstörung der Schwangeren u. s. w.*». Stuttgart 1877 г.) совѣтуетъ быть особенно осторожнымъ при допросахъ беременных и недавно разрѣшившихся отъ бремени, которыя часто заявляютъ о событіяхъ, никогда не бывшихъ, между тѣмъ какъ въ нормальномъ состояніи онѣ всегда проявляли даже любовь къ правдивости.

Кромѣ того въ самыхъ несложныхъ дѣлахъ С. С. иногда можетъ создать себѣ затрудненіе тѣмъ, что слишкомъ настойчивыми вопросами можетъ вынудить у людей, отличающихся крайнею робостью и добросовѣстностью, совершенно невѣрныя показанія, такъ какъ такіе люди въ концѣ концовъ начинаютъ воображать, что они дѣйствительно испытывали то, чего на самомъ дѣлѣ не было. Бергеймъ («*De la Suggestion et de ses applications à la thérapeutique*» 1888 г.) очень мѣтко называетъ это свойство ретроактивною галлюцинаціей. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи С-лю нельзя не рекомендовать особенной осторожности.

3. Допросъ обвиняемаго.

Относительно допроса обвиняемаго, этого труднѣйшаго изъ всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій и являющагося такъ сказать пробир-

нымъ камнемъ работы С. С., мы скажемъ немного. Кто хорошо изучилъ людей, обладаетъ присутствіемъ духа, хорошою памятью, работаетъ съ охотою и усердіемъ, никогда не покидаетъ почвы закона и въ лицѣ обвиняемаго видитъ своего павшаго или невинно заподозрѣннаго ближняго, тотъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы вести допросъ его, какъ слѣдуетъ. У кого же нѣтъ хотя бы одного изъ перечисленныхъ качествъ, тотъ къ этому неспособенъ.

Но есть и еще нѣчто другое, чего С. С. вообще не долженъ забывать, а въ данномъ случаѣ особенно примѣнять къ дѣлу. Я говорю о любви къ правдѣ, которую С. долженъ блюсти непоколебимо, до педантизма. На первый взглядъ покажется излишнимъ это требованіе, предъявляемое и къ каждому честному человѣку, но дѣло въ томъ, что С. С., особенно отличающійся ретивостью, легко можетъ соблазниться какимъ-либо свидѣтельскимъ показаніемъ, или заключеніемъ свѣдущаго лица, или другимъ какимъ-нибудь слѣдственнымъ актомъ и изложить его обвиняемому въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, для того, чтобы «облегчить ему сознание», или же можетъ дать понять обвиняемому, что ему, С.—лю, извѣстно кое-что, на самомъ дѣлѣ еще неизвѣстное.

Какъ тяжело потомъ все это отплачивается! Какъ неприятно, когда ложь обнаруживается, какъ стыдно передъ обвиняемымъ, который не повѣрилъ неправдѣ, какія угрызения совѣсти на всю жизнь! Нѣкоторая «неточность» въ памяти С. С. съ теченіемъ времени превращается въ безчестную ложь; быть можетъ, вовсе не ею достигнутый удачный результатъ остается въ сознаніи и на совѣсти, какъ успѣхъ, достигнутый недозволенными средствами, а несомнѣнно виновный представляется невинно осужденнымъ! Боже сохрани каждаго изъ насъ отъ такихъ мученій совѣсти!

Въ равной мѣрѣ необходимо въ обращеніи съ обвиняемымъ и соблюденіе безстрастнаго спокойствія. Кто его теряетъ, тотъ подчиняется вліянію обвиняемаго, который, какъ болѣе благоразумный, сохраняя полное спокойствіе, быть можетъ, даже умышленно приведетъ С. въ состояніе раздраженія для того, чтобы этимъ имѣть болѣе выгодное положеніе относительно его. Конечно, бываютъ условія, когда очень трудно сохранять полное спокойствіе духа, напр. если само преступленіе возбуждаетъ чувство отвращенія или гнѣвъ, если обвиняемый упорствуетъ въ заперательствѣ, несмотря на подавляющія улики, если онъ нарочно запутываетъ дѣло, притворяясь непонимающимъ, или болтаетъ бессмыслицу. Тѣмъ не менѣе С. С. всегда обязанъ помнить, что онъ есть представитель власти и никоимъ образомъ не долженъ позволять себѣ подпадать подъ вліяніе

обвиняемаго. И если С. всегда будет имѣть передъ глазами: «я не долженъ, не смѣю», то онъ не допуститъ себя до увлеченій, хотя бы самъ по себѣ и былъ легко возбуждающимся человѣкомъ.

Погубилъ себя и тотъ С., который боится обвиняемаго. Правда, человѣку робкому отъ природы трудно иногда побороть чувство страха, но, какъ сказано выше, кто не проявляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ рѣшительности,—тотъ не годится въ С. Впрочемъ, каждому извѣстно, что силою самообладанія, а затѣмъ и привычки человѣкъ можетъ приучить себя никогда не обнаруживать чувства страха.

Я не хочу брать на себя отвѣтственности и совѣтовать С. С. *никогда* не пользоваться мѣрами предосторожности при допросѣ обвиняемыхъ (напр. связывать, ставить стражу и т. д.): пусть всякій поступаетъ по своему желанію, но, по моему личному мнѣнію, такого рода предосторожности совершенно излишни. Какое жалкое впечатлѣніе производитъ на обвиняемаго такой С. С., который заставляетъ привести его въ камеру не иначе, какъ связаннымъ, когда къ нему въ камерѣ С. приставляется стража, или когда онъ замѣчаетъ, что передъ прибытіемъ его со стола снимаются ножницы, чернильницы крупныхъ размѣровъ, ножи для разрѣзыванія бумаги и тому подобныя «опасныя» орудія, которыми онъ могъ бы ударить С.,—или когда С. держитъ его отъ себя въ отдаленіи, или сразу переходитъ на мирный тонъ, если обвиняемый попытается возвысить голосъ или сожметъ руку въ кулакъ. Въ этихъ случаяхъ С. не внушитъ къ себѣ уваженія и никогда не сумѣетъ убѣдить въ чемъ либо обвиняемаго.

Если бы даже и были предприняты все мѣры предосторожности, если бы даже привезли обвиняемаго въ кѣлѣткѣ, то никакія эти мѣры не спасутъ С., если только обвиняемый *захочетъ* сдѣлать что-нибудь С. Но дѣло въ томъ, что обвиняемый никогда ничего подобнаго не дѣлаетъ. Случай, когда обвиняемый наложилъ руку на С., столь же исключительны, какъ и смертные случаи отъ падающихъ метеоровъ, и если они имѣли мѣсто, то безъ сомнѣнія главнымъ виновнымъ въ нихъ былъ самъ С.

Гораздо лучше всякихъ мѣръ предосторожностей дѣйствуютъ полное спокойствіе, осторожность и справедливое человѣческое обращеніе съ обвиняемымъ. Дѣйствительно, бываютъ обвиняемые самаго преступнаго свойства, по отношенію къ которымъ вполне уместна осторожность. Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ только ни *одной* минуты не оставлять такого обвиняемаго безъ наблюденія, тщательно слѣдить за каждымъ его взглядомъ, каждымъ движеніемъ. При допросѣ такихъ обвиняемыхъ никогда не слѣдуетъ си-

дѣть, такъ какъ для того, чтобы встать, потребуется время, совершенно достаточное для обвиняемаго привести въ дѣйствіе свой умыселъ. Такіе обвиняемые должны допрашиваться стоя, или же имъ слѣдуетъ отводить особое мѣсто.

Слѣдуетъ приближаться къ обвиняемому ровно настолько, насколько это возможно, чтобы не показаться страннымъ. Вообще же, чтобы лучше наблюдать, нужно подойти къ нему близко, при этомъ у обвиняемаго само собой исчезнетъ всякое желаніе причинить что либо С., нужно только занять такую позицію, при которой можно было бы прекратить его наступательныя дѣйствія въ самомъ началѣ.

Впрочемъ, всѣ эти опасенія довольно излишни: я допросилъ не одну сотню обвиняемыхъ и ни разу не имѣлъ случая встрѣтить такого, который позволилъ бы себѣ хотя бы малѣйшее движеніе противъ меня. Я могу себѣ представить лишь нѣсколько случаевъ, въ которыхъ такое покушеніе со стороны обвиняемаго имѣло бы смыслъ. Первый случай—это, когда обвиняемый въ какомъ либо помѣщеніи, въ отсутствіе стражи, сдѣлаетъ попытку бѣжать: если въ этомъ случаѣ при С. С. не оказалось писмоводителя, или если онъ случайно не наблюдаетъ за обвиняемымъ, роясь въ бумагахъ слѣдствія, и если при немъ не было оружія, то обвиняемый могъ бы, конечно, сбить съ ногъ С. и бѣжать, но въ этомъ случаѣ такъ много «если» и прямой неосторожности со стороны С., что подобное стеченіе обстоятельствъ невысказуемо.

Другой случай—это, когда С. С. относится къ обвиняемому пристрастно, раздражительно или язвительно и этимъ возбуждаетъ гнѣвъ обвиняемаго. За такое безчеловѣчное отношеніе С. С. получаетъ тогда справедливое возмездіе. Пусть не говорятъ, что все случившееся было лишь послѣдствіемъ недоразумѣнія, что обвиняемому лишь показалось, что съ нимъ обращались пристрастно, что на самомъ дѣлѣ этого не было. Такъ не бываетъ никогда: обвиняемый, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, чувствуетъ инстинктивно, какъ дитя, обращаются ли съ нимъ несправедливо, или только строго и серьезно. Противъ строгаго обращенія онъ никогда не будетъ протестовать: если онъ видитъ, что С. относится къ своему дѣлу усердно, то это даже на самаго испорченнаго человѣка производитъ сильное впечатлѣніе, и онъ не будетъ возражать противъ самой суровой строгости, если замѣтитъ, что С. все-таки относится къ нему человѣчно и не только стремится къ уличенію его, но и къ выясненію другихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о его невинности или уменьшающихъ степень его вины.

Что касается техники допроса, то таковая прежде всего предполагает знаніе души человѣка и умѣніе заглянуть въ нее. Если въ протоколѣ допроса обвиняемаго лишь въ самомъ концѣ записываются свѣдѣнія, относящіяся къ его прежней жизни, то будущее предварительнаго слѣдствія сомнительно, потому что С. С. не положили труда на изученіе личности обвиняемаго, прежде чѣмъ приступилъ къ существу дѣла,—а разъ онъ этого не сдѣлалъ, то многое существеннѣйшее будетъ упущено. Если же въ началѣ протокола будутъ занесены старательно собранныя свѣдѣнія о «прошломъ» обвиняемаго, то, значитъ, и слѣдствіе произведено по меньшей мѣрѣ основательно и тщательно.

Собирая свѣдѣнія о прошломъ обвиняемаго, мы прежде всего получаемъ возможность опредѣлить, что за личность стоитъ передъ нами, причемъ даже тѣ обстоятельства, которыя въ сущности къ дѣлу не относятся, часто даютъ объ этомъ ясное представленіе. Обыкновенно на разспросы о прошлой жизни обвиняемый говоритъ правду, если же онъ говоритъ ложь, то мы почти всегда можемъ опредѣлить изъ этого, въ какихъ именно случаяхъ и въ какомъ направленіи обвиняемый имѣетъ обыкновеніе давать ложное показаніе. Къ тому же весьма легко убѣдиться въ справедливости даннаго обвиняемымъ объясненія относительно прошлаго: стоитъ только во время показанія дѣлать въ сторонѣ отмѣтки, чтобы въ точности опредѣлять извѣстные сроки, заставляя кое-что повторять, и тогда скоро можно наткнуться на противорѣчія, пробѣлы или какія нибудь несообразности. Кромѣ того, можно навести справки въ прежнихъ дѣлахъ объ обвиняемомъ и сравнить его послѣднее объясненіе съ прежними показаніями. Если все это разъяснить обвиняемому и такимъ образомъ доказать ему, что его ложныя объясненія не остаются безъ провѣрки, то это можетъ—и весьма нерѣдко—такъ на него подѣйствовать, что онъ вообще не будетъ заператься и по существу дѣла принесетъ чистосердечную повинную. Вообще весьма цѣлесообразно не дѣлать строгой разницы между показаніями обвиняемаго о прошломъ его и по существу дѣла и, слѣдуя хронологическому порядку, постепенно перейти ко времени совершенія послѣдняго преступленія.

Никто не станетъ утверждать, что такимъ путемъ слѣдуетъ выманивать у обвиняемаго сознаніе: это было бы противно правиламъ чести и при томъ нецѣлесообразно, но въ то же время отнюдь не слѣдуетъ затруднять ему пути къ сознанію. Этимъ мы оказываемъ ему, по моему глубокому убѣжденію, благодѣяніе, такъ какъ

сознаніе почти всегда для обвиняемаго выгодно: дѣяніе его представляется въ болѣе благопріятномъ для него свѣтѣ, онъ обезпечиваетъ себѣ уменьшеніе наказанія и облегченіе совѣсти, а это послѣднее есть благо даже для самаго испорченнаго человѣка. ✕

Прямо требовать, чтобы онъ сознался въ нѣсколькихъ словахъ въ своемъ, нерѣдко ужасномъ, преступленіи, это—или жестоко, или психологически неправильно. Кому приходилось имѣть частыя сношенія съ людьми невысокаго нравственнаго уровня, тотъ очень хорошо знаетъ, какъ они даже послѣ признанія избѣгаютъ настоящихъ выраженій, которыми опредѣляются ихъ дѣянія. Лучшіе изъ нихъ даже не употребляютъ слова: укралъ,—особенно же характерны тѣ выраженія, которыя употребляются для замѣны слова: убилъ. Если этимъ людямъ тяжело вымолвить только одно слово, то насколько же труднѣе для нихъ подробно рассказать все свое дѣло. Вотъ почему имъ слѣдуетъ подготовить путь, облегчить имъ рѣчь; часто стоитъ только уловить удобный моментъ, когда обвиняемому не такъ тяжело сознаться. Нерѣдко для этого требуется большое терпѣніе: подходить къ этому нужно медленно, шагъ за шагомъ, и особенныя усилія употреблять въ томъ случаѣ, если сознаніе было неполное. Въ дѣлахъ сложныхъ, когда преступленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ фактовъ, требуется нерѣдко весьма точное разграниченіе: иной разъ одинъ изъ соучастниковъ сознается только до извѣстныхъ предѣловъ, а именно, настолько это необходимо для выгораживанія другого соучастника, или до того предѣла, за которымъ и начинается собственно уголовная или же болѣе строгая отвѣтственность. Иногда можно у совершенно испорченныхъ людей встрѣтить извѣстный *point d'honneur*, вскрыть который для С. весьма важно, если онъ хочетъ правильно освѣтить дѣло: часто стремленіе придать дѣлу менѣе мрачную окраску, чѣмъ оно въ дѣйствительности имѣетъ, весьма похоже на стремленіе отрицать все, что можно. Поэтому выясненіе, въ чемъ правда и въ чемъ нѣтъ, удается исключительно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ С. С. настолько изучилъ во время слѣдствія характеръ человѣка, что попалъ его истинное и преобладающее стремленіе.

По вопросу объ особой важности для насъ сознанія и существа его смотри мою «Криминальную психологію» изд. 1898 г. Здѣсь я укажу лишь, что ложное сознаніе (самообвиненіе) часто бываетъ результатомъ душевной болѣзни. Такіе случаи тѣмъ болѣе опасны, что страдающіе такимъ заболѣваніемъ не проявляютъ этой аномалии въ иныхъ формахъ,—вслѣдствіе чего такой субъектъ вся-

кому неспециалисту представляется вполне нормальным. Нельзя не упомянуть о случаях ложных сознаний и при некоторых отравлениях (от угара, от вредных грибов и под.).

Вообще не слѣдуетъ щадить усилій на тщательное ознакомленіе съ обвиняемымъ, его дѣяніемъ и всѣми тѣми особенными обстоятельствами, которыя тѣсно съ нимъ связаны, ибо ничѣмъ нельзя такъ вполне и безповоротно утратить вліяніе на обвиняемаго, какъ именно незнаніемъ дѣла, хотя бы самой пустой мелочи. Разъ только обвиняемый замѣтилъ пробѣлъ въ слѣдствіи, невѣрный взглядъ, или незнаніе С. С., или недостатки въ его приемахъ, то онъ пользуется этимъ въ свою пользу, укрываясь за ними, какъ за стѣной, и никакія усилія, никакое остроуміе не вытащитъ его изъ этой засады.

Ко всему изложенному я желаю добавить нѣсколько словъ о фізіономикѣ преступниковъ, теоріи, которая немногими послѣдователями ея слишкомъ превозносится и незаслуженно отрицается противниками. Я скорѣе склоненъ думать, что болѣе правы первые, приписывающіе ей крупное значеніе. Конечно, заходятъ слишкомъ далеко тѣ ученые, которые фиксируютъ на человѣческой фізіономіи типическія особенности и утверждаютъ, что извѣстныя черты, извѣстное выраженіе лица, цвѣтъ и пропорціональность частей даютъ возможность заключить о тѣхъ или другихъ качествахъ человѣка. Однако внѣ всякаго сомнѣнія, что опытный наблюдатель по лицу, мимикѣ и общему выраженію его получаетъ о личности представленіе гораздо болѣе вѣрное, чѣмъ всякое описаніе. Здѣсь не мѣсто для статьи о фізіономикѣ, но не можемъ не посовѣтовать съ нѣкоторою настойчивостью С. С.-лю не упускать случая теоретически и практически заниматься фізіономикой. Я не говорю, что вновь необходимо извлечь изъ пыли забытаго Лафатера, но кто тщательно просмотритъ всѣ современныя теоріи по тому же вопросу, тотъ придетъ къ заключенію, что многому еще можно поучиться у перваго основателя этого ученія. Въ чемъ онъ ошибался и въ чемъ былъ правъ, сказать не трудно: ошибался онъ тамъ, гдѣ опирался на типичность наружныхъ формъ, и правъ былъ тамъ, гдѣ доказывалъ, какія можно дѣлать заключенія по общему выраженію лица. Онъ, напр., съ полнымъ убѣжденіемъ принялъ снимокъ съ лица казненнаго въ Ганноверѣ убійцы за давно обѣщанную ему фотографическую карточку Гердера и при этомъ по чертамъ лица на снимкѣ заключилъ о всѣхъ качествахъ, которыя зналъ за Гер-

деромъ. Но съ другой стороны какъ превосходно его изреченіе: «какъ истиннаго мудреца, такъ и высокой чести человѣка я главнымъ образомъ отличаю по тому, какъ онъ слушаетъ. Особенный блескъ его глазъ, ясность взора, въ которомъ какъ будто соединились спокойствіе съ энергіей, что-то среднее между тихимъ свѣтомъ и блескомъ молніи». Вотъ это послѣднее ученіе для С. С. въ высокой степени полезно. Наблюдать за выраженіемъ лица допрашиваемаго, когда онъ слушаетъ, вотъ — кардинальное правило, исполненіе котораго скорѣе приведетъ къ цѣли, чѣмъ иногда длинные допросы.

При этомъ не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и чертъ лица допрашиваемаго. Любопытно и справедливо говорить Рубенсъ («De 'tratti ossia trattato per cogliere le fisionomie». Paris 1809 г.); положимъ, что хорошо знакомый человѣкъ закроетъ свое лицо такъ, чтобы не было видно лба, подбородка и половины щекъ, но остающимся снаружи глазамъ, носу и верхней губѣ, однако, немедленно можно его узнать. Если же онъ наложитъ на лицо маску, закрывающую глаза, верхнюю часть носа и нижнюю половину лба, то онъ слѣдается неузнаваемъ». — С. С. въ теченіе службы не въ состояніи своимъ личнымъ трудомъ собрать столько цѣнныхъ обобщеній, но онъ долженъ искать ихъ вездѣ, гдѣ они собраны и научно обработаны; послѣ этого онъ можетъ расширять эти знанія, время же, затраченное на пріобрѣтеніе ихъ, безъ сомнѣнія, не можетъ считаться потеряннымъ.

Говоря объ отношеніяхъ С. С. къ обвиняемому, нельзя пройти молчаніемъ такъ наз. школы Ломброзо, такъ какъ сочиненія его: «О преступникѣ», «О политическомъ преступникѣ и о революціи», «О гениальномъ человѣкѣ», «Гениальность и умопомѣшательство», «О преступной женщинѣ» въ настоящее время извѣстны каждому криминалисту и рѣдко на кого не оказали своего, подчасъ весьма глубокаго, вліянія. Это могущественное вліяніе сочиненій Ломброзо объясняется не только обширностью собраннаго имъ матеріала, обиліемъ новыхъ идей и увлекательною смѣлостью его выводовъ, но также и тѣмъ, что ученіе его тѣсно связано съ проникающимъ нынѣ во всѣ слои общества «нигилизмомъ».

Стремленіе нашего времени къ нивелированію выражается въ отрицаніи всякихъ различій: социальныя теоріи проповѣдуютъ равенство, естественныя науки провозглашаютъ одинаковое происхожденіе всего живущаго, физика учитъ о единствѣ силъ, и современная медицина — о безсиліи всѣхъ многочисленныхъ средствъ леченія, къ которымъ въ прошлыя времена относились съ вѣрою и надеждою. Что же удивительнаго, что это нигилистическое увле-

ченіе перешло и въ нашу науку и выразилось въ провозглашеніи теоріи: преступникъ ничѣмъ въ нравственномъ отношеніи не отличается отъ честнаго человѣка, онъ представляетъ собою лишь явленіе наследственнаго вырожденія, явленіе болѣзненное, — и если еще не дошли до умозаключенія: «нѣтъ никакого различія между добромъ и зломъ», то только потому, что боялись это сдѣлать. Если бы Ломброзо не было, то въ логическомъ развитіи идей нашего вѣка оказался бы пробѣлъ.

Присмотримся теперь, въ чемъ состоятъ главныя положенія новой теоріи. Одинъ изъ самыхъ основательныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей этого ученія д-ръ Курелла («Naturgeschichte des Verbrechers». Stuttgart 1893 г.) опредѣляетъ сущность его такъ, что, согласно ему, всѣ дѣйствительные преступники носятъ на себѣ извѣстные антропологически-измѣримые физическіе и психо-физиологически-опредѣлимые душевные отличительные признаки, состоящіе между собой въ взаимной связи, — каковыя признаки характеризуютъ особую разновидность, отдѣльный антропологическій типъ человѣчества, и носители этихъ признаковъ съ ничѣмъ неотвратимою необходимостью должны сдѣлаться преступниками, — хотя можетъ быть и ускользающими изъ рукъ правосудія, — совершенно независимо отъ прочихъ соціальныхъ и личныхъ условій ихъ жизни. Такой человѣкъ есть преступникъ по рожденію или, какъ говоритъ Ломброзо, «*delinquente nato*». Эта теорія въ то же время не отрицаетъ, что и приобрѣтенныя человѣкомъ свойства или соціальныя вліянія (воспитаніе, привычки, соблазнъ, бѣдственное положеніе) могутъ также повести на путь преступленія; болѣе того, въ послѣдующемъ своемъ развитіи эта теорія признаетъ вполне фактъ существованія преступниковъ по страсти, по привычкѣ, преступниковъ случайныхъ, но и въ этомъ она пытается видѣть подтвержденіе того, что у преступниковъ по натурѣ существуетъ прирожденное къ преступленію предрасположеніе. Это предрасположеніе, имѣя внѣшніе свои признаки въ опредѣленныхъ, отнюдь не обусловленныхъ болѣзнию, физическихъ особенностяхъ, складывается изъ тѣхъ основныхъ свойствъ характера и чувствъ — совершенно отличныхъ отъ симптомовъ душевныхъ болѣзней, — познаніе которыхъ даетъ ключъ къ уразумѣнію, почему именно носители этихъ качествъ суть преступники, и ничто иное.

Школа Ломброзо и направляетъ нынѣ свои усилія къ тому, чтобы отыскать и опредѣлить эти анатомическія разновидности на преступникѣ (первичные характеры, разновидности зачаточныхъ органовъ, разновидности вторичныхъ половыхъ характеровъ, разно-

видности множественныхъ характеровъ, разновидности, обусловленныя приістановкой или нарушеніемъ развитія, и наконецъ приобретенные характеры). Нельзя отрицать, что этой школой удалось обнаружить у извѣстнаго количества преступниковъ существованіе такихъ анатомическихъ разновидностей, но ей не удалось доказать, что существуетъ опредѣленный типъ преступника. Это самымъ убѣдительнымъ образомъ аргументировано въ небольшомъ рефератѣ д-ра Кирна («Geistestörung und Verbrechen». Heidelberg 1892 г.). Онъ допускаетъ, что при тщательномъ изслѣдованіи у значительнаго количества осужденныхъ арестантовъ можно найти какъ аномальныя явленія въ сферѣ психической, такъ и опредѣленные физическіе признаки вырожденія, но эти признаки никогда не являются развитыми въ одинаковой мѣрѣ и представляютъ столь большое разнообразіе, которое исключаетъ возможность какихъ бы то ни было обобщеній. Также различно проявляются и признаки психическаго вырожденія, за исключеніемъ довольно рѣдкой и характерной болѣзненной формы нравственнаго помѣшательства. Отсюда вытекаетъ, что у отдѣльныхъ лицъ въ этомъ отношеніи нельзя усмотрѣть какого-либо единства, и поэтому объ установленіи преступнаго типа не можетъ быть и рѣчи.

Уничтожающую критическую оцѣнку теоріи Ломброзо представляетъ превосходно написанный трудъ д-ра Нэке (*Näcke: «Zur Methodologie einer wissenschaftlichen Anthropologie»* «Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie», окт. 1893 г.), который приходитъ къ такому выводу, что сочиненія Ломброзо «со всѣми своими произвольностями, преувеличеніями, послѣдними выводами отнюдь не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы должны предъявлять къ научному труду. «Credo» этой книги гласитъ: «нѣтъ прирожденнаго преступника и нѣтъ преступнаго типа».

Итакъ, основная догма этой позитивной школы поколеблена. Но позволительно однако спросить, откуда же она заимствовала матеріалъ для своихъ поразительныхъ выводовъ. Этотъ матеріалъ добытъ путемъ обработки статистическихъ данныхъ, какія можно было собрать въ мѣстахъ заключенія, при чемъ, вѣтъ всякаго сомнѣнія, процентныя исчисленія полученныхъ цифръ взяты иногда довольно высокія,—впрочемъ, только иногда. Довольно часто вычислены процентныя отношенія весьма немногихъ цифръ, которыя не даютъ права на какіе-либо выводы, такъ какъ, при незначительности статистическихъ данныхъ, не исключены случайности. Далѣе, во многихъ случаяхъ нѣтъ сопоставленій добытаго процент-

наго вычисленія какой-нибудь аномаліи у преступниковъ съ соответствующимъ процентнымъ вычисленіемъ у не преступниковъ. Но такое сопоставленіе и не можетъ быть сдѣлано въ большей части случаевъ, потому что собраніе требуемыхъ статистическихъ данныхъ о другихъ лицахъ, кромѣ заключенныхъ преступниковъ, неосуществимо. Въ некоторыхъ случаяхъ это, пожалуй, было бы возможно лишь относительно мужчинъ, о которыхъ имѣющіяся статистическія данныя могли бы представить достаточный матеріалъ. Относительно же женщинъ такихъ данныхъ не существуетъ, и никто не въ состояніи опредѣлить, въ какомъ процентномъ отношеніи встрѣчается та или другая аномалія среди лицъ, никогда не подвергавшихся заключенію. Данныя, собираемыя въ школахъ, въ казармахъ, въ больницахъ, въ анатомическихъ театрахъ представляются недостаточными, такъ какъ мы не имѣемъ основанія предположить, что въ каждомъ изъ этихъ случаевъ имѣемъ дѣло съ совершенно опредѣленною частью всего человѣчества, — частью, его «репрезентирующею». Если однако нельзя утверждать, что совершенно опредѣленный процентъ всего человѣчества носитъ ту или другую аномалію, то процентныя вычисленія ея относительно преступниковъ, какъ бы они ни были точны, имѣютъ весьма проблематичную научную цѣнность. Предположимъ, напр., доказаннымъ, что извѣстная аномалія встрѣчается у 10% всѣхъ преступниковъ; выводъ этотъ не имѣетъ ровно никакой цѣнности, если при этомъ нельзя доказать, что та же самая аномалія, въ какомъ бы то ни было процентномъ отношеніи, встрѣчается и у не преступниковъ. Если же будутъ утверждать, что эта аномалія наблюдается у не преступниковъ только въ количествѣ 5%, исчисленныхъ по даннымъ, собраннымъ въ школахъ, казармахъ и больницахъ, то это будетъ только *предположеніе* приближительное, такъ какъ никому неизвѣстно, въ какомъ процентномъ отношеніи эта аномалія существуетъ у гораздо большей части человѣчества, не находящейся въ школахъ, казармахъ или больницахъ, и надъ которою невозможно произвести требуемыя наблюденія. Къ тому же и тотъ матеріалъ, который доступенъ такому изслѣдованію, стоитъ въ особыхъ условіяхъ и не можетъ служить представителемъ за все человѣчество: въ школахъ сосредоточивается только юношество, въ казармахъ — отборный въ физическомъ отношеніи элементъ, въ больницахъ же — наибѣднѣйшая часть населенія. На основаніи же такихъ предположеній нельзя строить научныхъ выводовъ.

Слабая сторона построенныхъ на основаніи статистическаго

матеріала виводовъ Ломброзо и его послѣдователей заключается именно въ теоретически неправильной постановкѣ цифровыхъ данныхъ,—чѣмъ и разрушается весь фундаментъ его теоріи. Если бы даже Ломброзо могъ сказать: «во всѣхъ тюрьмахъ міра содержащіеся въ нихъ арестанты имѣютъ аномалію А въ x°_0 , аномалію В. въ y°_0 , аномалію С. въ z°_0 , и т. д., и слѣдовательно всѣ преступники міра имѣютъ эти аномаліи именно въ такомъ-то $\%_0$ отношеніи», то и такое положеніе было бы невѣрно. Оно могло бы быть провозглашено только въ томъ случаѣ, если бы всѣхъ людей можно было раздѣлить на двѣ группы: преступниковъ и непреступниковъ и въ каждой изъ этихъ группъ подвергнуть изслѣдованію всѣхъ безъ исключенія, установить процентное отношеніе аномалій и сопоставить ихъ другъ съ другомъ, только тогда получился бы матеріалъ пригодный и цѣнный для дальнѣйшихъ выводовъ: но, такъ какъ это невозможно, то весь тотъ матеріалъ, которымъ обладаетъ школа Ломброзо, не только сомнителенъ, но и прямо невѣренъ. Ломброзо же, подвергая научному изслѣдованію лицъ, содержащихся въ тюрьмахъ, для полной законченности своихъ работъ не имѣетъ подъ рукой 1) тѣхъ, которые уже ранѣе подверглись наказанію, 2) тѣхъ, которые находятся подъ судомъ. 3) тѣхъ, которые, совершивъ преступленіе, не розысканы, и наконецъ, 4) тѣхъ, которые въ силу привычки сдѣлались бы преступниками, если бы только случайно сложившіяся благоприятныя обстоятельства не удержали ихъ отъ этого. Ошибочность такихъ вычисленій увеличивается еще и тѣмъ, что съ одной стороны Ломброзо не причисляетъ къ преступникамъ тѣхъ, которыхъ долженъ былъ бы считать, а съ другой—онъ, при опредѣленіи $\%$ непреступниковъ, считаетъ ихъ такъ, что они вновь неправильно принимаются въ расчетъ.

Затѣмъ мы не имѣемъ достаточныхъ основаній утверждать, что контингентъ содержащихся въ тюрьмѣ представляетъ собой постоянный и опредѣленный процентъ преступниковъ вообще. Никто не въ состояніи опредѣлить, хотя бы приблизительно, количество отбывшихъ наказаніе и находящихся въ живыхъ преступниковъ, количество состоящихъ подъ судомъ, нерозысканныхъ преступниковъ, и, наконецъ, количество людей, имѣющихъ всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться преступниками, но не сдѣлавшихся ими по той или другой причинѣ. Въ силу же этого исчезаетъ всякая почва для установленія какого бы то ни было процента, представляющаго количество аномалій у заключенныхъ преступниковъ въ сопоставленіи

съ преступниками находящимися, на свободѣ. На это мнѣ возразятъ, что наблюденія, произведенныя въ теченіе многихъ лѣтъ, могутъ привести къ результатамъ, въ значительной степени достовѣрнымъ, разъ эти результаты повторялись безъ рѣзкихъ колебаній въ теченіе ряда лѣтъ,—не смотря на то, что составъ содержащихся въ тюрьмахъ измѣняется непрерывно. Но, не говоря уже о томъ, что для полученія такихъ данныхъ мы должны были бы ожидать не одинъ десятокъ дѣтъ, данныя эти доказывали бы только, что процентныя отношенія остаются одинаковыми въ теченіе ряда лѣтъ у заключенныхъ преступниковъ, но мы все таки не имѣли бы основаній для сопоставленія числа заключенныхъ преступниковъ съ находящимися на свободѣ.

На основаніи изложеннаго, мы можемъ сказать, что цифры, которыя даетъ намъ школа Ломброзо и на которыхъ она основываетъ свои далеко идущіе выводы, совершенно случайны, и мы имѣемъ право утверждать, что процентныя исчисленія, которымъ придано доказательное значеніе, извлечены изъ случайныхъ цифровыхъ данныхъ, количественное же отношеніе этихъ послѣднихъ ко всему человечеству совершенно неизвѣстно и не можетъ быть никогда опредѣлено.

Мы отнюдь не отрицаемъ, что гениальныя изслѣдованія Ломброзо вызвали большое движеніе въ наукѣ и повели къ установленію многихъ важныхъ фактовъ; мы не отрицаемъ заслуги Ломброзо и въ томъ отношеніи, что онъ болѣе, чѣмъ кто либо, доказалъ, что въ нашихъ тюрьмахъ содержатся люди, стоящіе на низшей ступени развитія духа, и люди умственно и нравственно опустившіеся, для которыхъ мѣсто должно быть въ лечебницѣ; несомнѣнная заслуга Ломброзо также и въ томъ, что онъ обратилъ общее вниманіе на необходимость чрезвычайной осторожности при обращеніи съ такими людьми,—но ничего большаго намъ его теорія не даетъ. То же обстоятельство, что люди убогіе духомъ, пораженные наследственными болѣзнями и въ нравственномъ отношеніи испорченные, гораздо скорѣе попадаютъ на путь преступленій, чѣмъ другіе, намъ извѣстно искони вѣковъ; совѣтъ о томъ, чтобы соблюдать большую осторожность при осужденіи такихъ лицъ, мы принимаемъ съ благодарностью, но не видимъ изъ того ровно никакихъ основаній, чтобы уголовный судья прекратилъ свою дѣятельность и уступилъ мѣсто психіатру.

Что касается положенія теоріи Ломброзо въ настоящее время, то мы въ правѣ признать ее отошедшею въ область исторіи. Она възникла благодаря трудамъ трехъ ученыхъ: Ломброзо «L' homo

delinquente», Ферри «Sociologie criminale», Гарофало «Criminologie», и вызвала громадную литературу; но тѣмъ же итальянцамъ принадлежить заслуга въ обнаруженіи несостоятельности этой теоріи. особенно представителямъ такъ наз. третьей школы: Карневала и Алимена. Этотъ послѣдній впервые доказалъ, что у позитивистовъ уголовное право совершенно «растворилось» въ криминальной социологіи: Алимена былъ основателемъ новой школы, Наполеонъ Коладжане, Анжело Ваккаро, Аристиде Габелли, Франгеоло Поллетти, Джіованнѣ Импалломени—были наиболѣе видными представителями ея и изъ нихъ послѣдній еще въ 1898 году доказывалъ, что Ломброзо ученіе свое о преступникѣ, подобно Протею, настолько видоизмѣнялъ въ разныхъ изданіяхъ этого главнаго своего труда, что онъ, какъ кажется, самъ отказался въ концѣ концовъ отъ своей теоріи.

«Третья школа» приобрѣла себѣ, въ лицѣ глубокомысленнаго француза Гарда, сильнаго союзника, къ которому присоединилось не мало изъ его выдающихся соотечественниковъ, въ особенности сотрудниковъ «Archives d'Anthropologie criminelle et des sciences pénales», какъ напр. Лакасанъ, Гаро, Кутанъ и Бурнэ. Позднѣе появились блестящія статьи противъ Ломброзо, принадлежавшія перу французскихъ ученыхъ А. Дебьера (Le crane des criminels) и Ж. Далеманъ (Stigmates anatomiques de la criminalité), и если просмотримъ въ трудѣ послѣдняго ученаго ссылки его на литературу предмета, то остается только удивляться тому шуму, который вызвало столь необоснованное ученіе Ломброзо.

Наиболѣе успѣшными оказались нападки нѣмецкихъ ученыхъ, особенно со стороны Вирхова, Бэра, Кирна, Нэкэ, Блейгера, Флехсига и т. д. Нѣтъ ничего удивительнаго потому, что Ломброзо на большихъ съѣздахъ, въ особенности въ Парижѣ, Брюсселѣ и Женевѣ, не игралъ никакой роли. А когда онъ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ уличенъ въ несомнѣнномъ плагиатѣ (Кренье «Graphologie»), то никто даже не обратилъ на это особеннаго вниманія.

Въ общемъ можно сказать слѣдующее: отчасти отсутствіе настоящей научности, отчасти отсутствіе серьезной научной подготовки, отчасти наивное истолкованіе фактовъ, и не въ меньшей степени значительная доля самовнушенія—все это вмѣстѣ взятое объясняетъ рискованность, рѣзкіе скачки и вообще несостоятельность тезисовъ Ломброзо. Если эти тезисы, однако, приобрѣли нѣкоторую извѣстность, то только благодаря характерной неопредѣлительности, которая столь невыгодно отличаетъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ современныхъ ученыхъ.
